

Приют миражей

Автор:

Евгения Горская

Приют миражей

Евгения Горская

Татьяна Устинова рекомендует

«Я законченная старая дева, – поставила себе диагноз Саша. – Мисс Марпл». А как еще объяснить, что она взялась помогать коллеге Борису, попавшему в больницу после нападения бандитов? Это было не банальное ограбление! Борина девушка Юля рассказала – у нее похитили сестру Машу, и он отправился передавать выкуп, но все сразу пошло не по плану... По странному совпадению бандиты потребовали именно ту сумму, которая имелась у сестер. А вскоре Маша вернулась домой, но ничего не смогла толком рассказать, кроме того, что ей, по счастливому стечению обстоятельств, удалось сбежать... Саша пока не подозревала: запутанная история на этом не заканчивается, а только начинается!

Евгения Горская

Приют миражей

© Горская Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Татьяна Устинова

«Золотое сечение» детектива

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а, напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И – главное! – чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Новая книга Евгении Горской «Приют миражей» продолжает традицию классического детектива: она легка, логична и умна. Написанная фирменным изящным слогом, книга читается залпом, в одну ночь – как и положено всякому хорошему детективу.

Горская – непревзойденный мастер интриги. Ей удается придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты – и «Приют миражей» очередное тому подтверждение. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляет с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок

сюжета. В «Приюте миражей» она водит за нос, отвлекает, пускает нас – читателей – по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь – и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива: здесь в самый раз всего – и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

В «Приюте миражей» автор великолепно закручивает интригу, не перегружая книгу ненужными сложностями: история получилась достаточно простой, но вовсе не тривиальной. А потому пробираться через хитросплетения сюжета – сплошное удовольствие, я бы даже сказала, наслаждение.

В жизни Саши Рахмановой нет и не может быть ничего загадочного или необычного. Она одинокая девушка, живущая с любимой собакой Тошкой и работающая диспетчером в энергетической компании. Загадки решительно не для нее. Но все меняется в одночасье – ох, не задалось очередное дежурство!.. Ее размеренная, пусть и не вполне счастливая жизнь моментально обращается в захватывающий детектив. Пытаясь разобраться в происходящем, она лишь глубже погружается в ошеломляющий водоворот, казалось бы, случайных и несвязанных происшествий. Только вот странность: все эти события оказываются каким-то непостижимым образом связаны с ее – Сашиной – жизнью. Кто-то ведет непонятную и весьма опасную игру. А Саша, сующая нос в чужие дела и приближающаяся к разгадке, становится помехой.

И не надейтесь даже, дорогие и уважаемые читатели! Я не стану рассказывать вам, в чем там дело и «кто виноват»! Вы узнаете сами, прочитав новый блестящий детектив Евгении Горской.

Как обычно, я немного вам завидую: я-то уже прочитала, и мне остается только ждать следующей книги...

21 июля, понедельник

Смена выдалась спокойная. По случаю прекрасной погоды, а может быть, по божьей милости аварий в энергосетях не произошло ни одной, что бывает редко. Как правило, хоть одна высоковольтная линия да отключится либо из-за грозы, либо по чьему-то недосмотру, либо все по той же божьей воле.

Рабочий день кончился. Начальство покинуло свои кабинеты, пожелало диспетчерам доброго окончания смены и разъехалось по домам.

- Чайку не хочешь, Сашенька? - крикнул из комнаты отдыха старший диспетчер Валерий Петрович. - Чайник вскипел.

- Нет, спасибо! - крикнула в ответ Саша. - Попозже попью.

Это время, когда до конца смены оставалось всего ничего, Саша любила особенно. Начальства нет, все документы оформлены, если - тьфу-тьфу-тьфу - ничего внезапного и непредвиденного не случится, можно спокойно посидеть, без суеты наблюдая за горящими на экране плазменного диспетчерского щита световыми индикаторами.

Саша полезла в сумку, достала флешку, вставила в компьютер и принялась потихоньку разбирать маджонг, изредка поглядывая на щит. Игр в служебном компьютере не было и быть не могло, все носили с собой.

Появился Валерий Петрович, достал из портфеля газету, зашуршал ею. Валерий Петрович был единственным Сашиным знакомым, который читал бумажные издания. Если бы не он, она совсем не понимала бы, для кого работают газетные киоски.

- Опять против нашей бедной России санкции вводят, - покачал головой Валерий Петрович.

- Наплевать, - улыбнулась Саша. - У меня нет счетов за границей, не пустят в Европу, поеду в Крым.

- Патриотично, - заметил старший диспетчер. - Молодец. Но вообще-то санкции - это довольно плохо.

- Наверное, - согласилась Саша.

Сквозь опущенные жалюзи скупно пробивалось яркое летнее солнце. Саша подошла к окну, слегка раздвинув полоски, посмотрела вниз. Основная масса коллег здание уже покинула, служебная стоянка почти опустела. Наискосок от входа одиноко стояла темная машина.

Больше всего Саша любила июль. Этот месяц всегда бывал теплым даже в самое холодное лето, и она не понимала, почему большинство горожан предпочитают уезжать, когда в Москве так хорошо, так мало машин, поезда метро ходят полупустыми, и будильник звонит, когда за окном уже совершенно светло.

Заиграл сотовый, она вернулась к столу, ответила.

- Саш, позвони, когда освободишься, - попросила подруга Гуля. - Я тебя жду.

- Зачем? - удивилась Саша. - Мне еще два часа работать.

- Подожду. Вместе домой пойдем. Миша вчера в командировку уехал, что мне дома одной делать?

- Ладно, - согласилась Саша. - Только лучше шла бы ты домой. А вечером можем с Тошкой погулять.

- Подожду, - решила Гуля. - Только ты про меня не забудь.

Гулю Саша знала давно, еще с института. История подруги была такая, какой, казалось бы, не могло быть в двадцать первом веке. Гулия Ильдаровна Камаева, коренная москвичка, не знающая никаких языков кроме родного русского и неродного, но всеобщего английского, поступившая в хороший, с давними традициями вуз, к его окончанию собралась замуж за однокурсника Мишу Самохина, парня абсолютно положительного и давно в нее влюбленного. Вот тут и произошло удивительное и ненормальное: Гулина семья против брака с русским категорически возражала, и девочку поставили перед выбором - либо он, либо мать с отцом, братом и прочими родственниками. Саша тогда Гулю знала плохо, учились они в параллельных группах и подругами не были. Это уже потом, когда обе оказались в одной энергетической компании, Саша узнала, что

Гуля вышла замуж против воли родных и они ее с тех пор знать не хотят.

Самым же поразительным было, что семья никакой религиозностью не отличалась, отец, будучи крупным бизнесменом, имел ученую степень, а мать преподавала иностранным студентам русский язык.

На самом деле кое-какие связи у Гули с родней сохранились. С матерью она, втайне от отца, перезванивалась и даже иногда встречалась. С братом Русланом тоже. А с женой брата Ксюшей, хотя на их свадьбе Гуля не присутствовала, она почти сдружилась.

Сдав смену, Саша про Гулю не забыла, встретила с ней у выхода из здания, и к метро они пошли вместе. Одинокая машина, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении серой «Вольво», так и стояла у ворот компании неизвестно за какой надобностью. Жилых домов поблизости не было, сотрудники заезжали на служебную стоянку. Саша скользнула по машине равнодушным взглядом и сразу о ней забыла.

– Я вчера у папы в больнице была, – грустно сказала Гуля. – Он в больнице сейчас.

– Он сам тебя позвал? – ахнула Саша.

– Сам. Я бы не посмела. По-моему, он меня простил.

– Слава богу!

– Я тоже виновата. Он меня выгнал, и я ему даже ни разу не позвонила. Я очень перед ним виновата.

– Ну что теперь об этом говорить. Что случилось, то случилось.

– У него рак, Саш. Похудел очень. И постарел. Я боюсь...

– Перестань! Сейчас медицина чудеса делает. – Услышав шаги за спиной, Саша подвинулась, пропустила обгонявшего их высокого мужчину. Дорога, по которой они шли к метро, примыкала к огороженной промзоне, и ходили по ней нечасто.

Обычно пешеходы предпочитали идти по тротуару, отделенному от их привычной дорожки зелеными кустами.

- Маму очень жалко...

- Перестань, Гуля! - одернула ее Саша. - Надо надеяться на лучшее. Он еще твоих детей будет нянчить, вот увидишь. Миша куда уехал?

- В Германию. На «Сименс». Очень одной дома тоскливо.

- Поживи у меня.

- Да нет, спасибо, - улыбнулась Гуля. - Я уж сама как-нибудь. Ты отдохнешь сначала или сразу с Тошкой пойдем?

У метро мужик, который их обогнал, что-то увлеченно разглядывал у неработающего газетного киоска. Наверное, кого-то ждал.

- Сразу пойдем, - сказала Саша. - Он и так, бедный, с раннего утра один.

Подруги погуляли с собакой, потом Саша проводила Гулю до дома, жили они почти рядом. Вернувшись домой, накормила Тошку, поняла, что на собственный ужин сил уже не осталось, съела бутерброд с колбасой и мгновенно заснула, не догадываясь, что удивительное и страшное в ее жизни уже началось.

22 июля, вторник

Илья проснулся задолго до звонка будильника. Стараясь не разбудить Варю, выбрался из постели, заварил чай, радуясь тишине и возможности побыть одному, уселся с чашкой на кухне. Только собрался взять для полного счастья какую-нибудь книжку, как из комнаты донесся шорох и легкие шаги.

- Привет, - жена появилась на пороге и недовольно на него посмотрела.

– Я тебя разбудил?

– Конечно, разбудил, – поморщилась она. – Что ты поднялся в такую рань?

Он молча пожал плечами. Казалось бы, давно должен был привыкнуть к ее недовольному тону, к непонятной обиде на весь белый свет, но не получалось. Одно время казалось, что привык, а последний год все чаще хотелось побыть одному.

– Мне тоже чай сделай, – Варя села за стол. Закусив нижнюю губу, рассеянно уставилась в окно.

Илья поднялся, включил газ под чайником.

– Пойду побегаю в парке. – Он наклонился, поцеловал жену в макушку, стараясь не замечать, как она мгновенно наполняется недовольством.

Утренние пробежки – единственное, что Илья твердо для себя отвоевал, во всем остальном ему было проще с женой не связываться. Конечно, он отлично понимал, что его отлучкам по причине бега жена не обрадуется и под разными предлогами станет им препятствовать. Варя очень не любила, когда он находился вне поля ее зрения. Давай бегать вместе, предложил он, сообщив, что отныне нашел для себя невинное развлечение. Он не сомневался, что жена откажется, и она отказалась, естественно. По ее понятиям для занятий спортом существуют фитнес и инструктор, а все другое позволяют себе люди, у которых на фитнес просто нет денег.

Несколько месяцев назад Илья приобрел тренировочный костюм и кроссовки, которых не носил со студенческих лет. Причем и то и другое выбрал в пику жене очень дорогое, хотя к стремлению одеваться дорого и модно, особенно если речь шла о мужчинах, относился с усмешкой. Еще родители приучили его оценивать людей исключительно по душевным и интеллектуальным качествам.

Сегодня по случаю стоящей в последние дни жаркой погоды вместо костюма он натянул шорты и футболку, а вместо кроссовок – купленные в прошлом году в Израиле сандалии и, крикнув жене, что ушел, спустился во двор.

Варя наверняка смотрела на него из окна, но он так от нее устал, что поднимать голову и махать ей снизу не было никаких сил, и он этого делать не стал. Варя обидится, конечно, но она и без этого найдет на что обидеться.

Их отношения сильно изменились за последний год. Илья даже точно знал когда – после смерти матери. Мама умерла неожиданно. И Илье, и сестре Кате горе казалось немыслимым, оглушающим. Илья впервые тогда почувствовал себя потерянным и беспомощным и старался хоть как-то поддержать Катю. На похоронах сестра плакала не переставая, и он не сразу заметил, как от Катиных слез бесится Варя. Он знал, конечно, что жена не терпит внимания к кому-то, кроме себя, но момент для ее негодования был настолько неуместен, что вместо привычных вины и жалости к жене он впервые почувствовал нечто, похожее на ненависть. Потом, конечно, жалость к ней вернулась, и светлых моментов в их жизни было еще много, но некое темное пятнышко уже не давало ему считать их совместное существование безоблачным.

Пятнышко увеличилось после истории с собакой.

Бежать не хотелось. Илья пошел по дорожке мимо пустых по случаю раннего времени лавочек, не встретив никого, даже собачников. Собак в парке выгуливать не разрешалось, но все выгуливали.

Щенка на автобусной остановке Илья заметил в марте, когда днем ненадолго теплело, а по ночам было по-зимнему холодно. Он возвращался с работы, остановился перед светофором и грязный комочек разглядел совершенно случайно. Что-то его заставило вылезти из машины. Щенок был крошечный и тихо заскулил, когда Илья погладил его по спутанной шерстке.

Пачкая куртку, Илья одной рукой подхватил щенка, а другой достал телефон.

– Варь, давай возьмем собачонка, – попросил жену. – Щенок потерялся. Пропадет.

– Какой щенок? – не поняла Варя. – Ты вообще где?

– Здесь, рядом. На автобусной остановке у магазина. Я сейчас приду. Тут щенок брошенный, маленький совсем. Что-то типа болонки. Давай возьмем, Варь. Я сам

буду с ним гулять.

– Гуля-ать? – протянула жена, Илья сразу понял, что дело безнадежное. – Я знаю, как ты будешь с ним гулять, на меня свалишь и успокоишься. Хочешь за чужой счет добреньким быть? А все остальное? В отпуск как нам ездить? И вообще...

Она еще какое-то время говорила, а Илья понимал, что не сможет пойти домой, бросив жалкое существо, пытающееся лизнуть его в нос. Он решил, что эту ночь проведет в машине, а там видно будет.

Народу на улице почти не было, только какая-то девушка проходила мимо, когда он шагнул к машине. Девушка посмотрела на грязного щенка и улыбнулась. Она тут же отвернулась, и Илья сказал ей вслед:

– Возьмите собаку.

До той минуты он никогда не заговаривал с незнакомыми на улице и никогда ни о чем прохожих не просил, ему было ужасно стыдно.

Она повернулась, сделала несколько шагов назад, сняла перчатку, погладила найденыша по голове и в раздумье сказала:

– Не знаю... У меня сменная работа, мне сложно с ним гулять.

Говорить больше было не о чем, Илья молчал.

Она постояла с минуту, продолжая гладить щенка, вздохнула, бережно взяла собачку из его рук, поправила на плече сумку и ушла, не оглядываясь.

Потом Илья иногда девушку встречал, оказалось, что живет она в соседнем доме. Иногда он встречал ее одну, иногда с собакой. Они кивали друг другу и расходились, Илья ничего в отношении ее не планировал, только зачем-то выбил себе право бегать в парке, где она гуляла с их общим найденышем.

Сегодня в парке ее не оказалось.

Молодой парнишка-азиат обогнал Илью, собирая мусор в пластиковый мешок. Илья повернул назад, нужно было подготовить доклад к селекторному совещанию, и стоило поторопиться.

- Отстань! - прошипела Саша, отпихивая Тошку. - Отстань сейчас же!

Проклятый пес отставать не хотел, лез мордой к ней на подушку, пытался лизнуть и сиротливо поскуливал.

- Зачем ты меня разбудил? - упрекнула его Саша, понимая, что больше не заснет. - Ну зачем, а?

Довольный Тошка подпрыгнул, схватил зубами ее тапки и уморительно затряс головой.

Саша отняла тапочку, поплелась на кухню, вспомнила, что кончился кофе, и, немного расстроившись, заварила чай.

Зазвонил городской телефон. Тошка с лаем заметался от Саши к аппарату, давая понять, что она должна немедленно снять трубку. Первое время Тошка был ей в тягость, но сейчас она не представляла, как можно без него жить.

Звонил Гоша. Друг, как представляла его знакомым Саша.

- Ты сегодня в ночь работаешь? - спросил он.

- Угу, - подтвердила Саша.

- Приезжай.

- Давай в другой раз, - отказалась она. - Дел много.

Дела были. В прачечную сходить, в магазин. Вымыть и уложить волосы.

Пару лет назад она бы помчалась к нему, забыв про все дела.

- Саш, ты меня избегаешь? - грустно спросил он.

- Нет, - удивилась она. - Что за ерунда!

- Ты меня не избегай, - попросил он. - Ты меня люби.

- Я тебя люблю, - привычно заверила Саша.

Такие заверения Гоше необходимы. Обычно ей очень нравилось, что ему не надоедает слушать, как она его любит, а сейчас почему-то стало неприятно.

Роман с Георгием тянулся с незапамятных пор. Сначала Саша ждала и надеялась, что он вот-вот сделает ей предложение, потом поняла, что инициатива должна исходить от нее самой, но инициативы она не проявила. В последнее время Саша стала бояться, что предложение он все-таки сделает. Сейчас ей так же не хотелось за него замуж, как еще не так давно хотелось. С Гошей было хорошо, но вдвоем с Тошкой лучше.

- Гулять. - Выпив чай, Саша взяла поводок и с трудом смогла надеть его на прыгающую от счастья собаку.

Пройдясь вдоль ограды парка, Саша заметила одинокую лавочку, села, спустив Тошку с поводка. День обещал быть жарким. В такую погоду хорошо податься куда-нибудь на водоем, но Гоша купаться ее не звал, а ехать одной было скучно. Гоша не любил жару, не любил холода, не любил дождей, ветра, яркого солнца и пасмурной погоды. Правда, на все это он обычно жаловался с некоторой долей иронии, поэтому занудой никогда не выглядел. Он вообще стал бы для Саши чудесным спутником жизни, хотя бы потому, что она знала его вдоль и поперек.

Тошка бегал кругами вокруг лавочки, Саша терпеливо ждала, пока он устанет и сядет рядом, высунув розовый язычок.

Позвонила Гуля, пожаловалась:

- Хотела к папе съездить, но, оказывается, Ксюша прилетает. Придется вечером в Домодедово ехать встречать.

- Она одна прилетает?

- Одна. Руслан не может.

- Гуля, - заинтересовалась Саша, - а почему Руслану можно на русской жениться, а тебе замуж за русского выходить нельзя? Ведь Ксюшу семья сразу приняла.

- Руслан - мужчина, это совсем другое. Женщина должна целиком зависеть от мужчины и ценится по мужу. Глупость, конечно.

- Не скажи... На самом деле так и должно быть. Я тоже хочу от мужа целиком зависеть, - призналась Саша, подумав, что зависеть от Гоши будет довольно проблематично. Гоша ответственности не любил. - Ксюша приезжает, потому что твой отец болеет?

- Наверное. Не знаю. Если Русланчик не приехал, это ведь хороший признак? Как ты думаешь?

- Гуля, перестань! - разозлилась Саша. - Надо надеяться на лучшее. Ты хотя бы, когда с отцом будешь разговаривать, не хорони его раньше времени.

- Да понимаю я все... Ты сегодня в ночную смену?

- В ночную. С Борей Романенко буду дежурить, - вспомнила Саша. - Валерий Петрович в отпуск ушел. Старшим смены я буду.

- Ой, совсем забыла. У нас студентка работает, Юля Ивлева, с косой ходит, ты ее, наверное, видела.

- Видела.

- У нее с вашим Борей роман. Я думаю, у них ребенок будет.

- Откуда ты знаешь?

- Вчера на пожарной лестнице курила, а они на пол-этажа ниже стояли, разговаривали, мне было слышно. Юля плакала, говорила, что надо родителям рассказать.

- Подожди, - опешила Саша. - Ты слышала про ребенка?

- Нет. Но из-за чего же еще она плакала?..

- Господи, Гуля! Юле же не пятнадцать лет. Что ей плакать, узнав про ребенка? Девке за двадцать. Конечно, можно было бы и подождать с ребеночком, но не плакать же от этого. Боря - парень порядочный, поженятся, и все дела.

- Так чего тогда она рыдала?

- Ну откуда же я знаю? Ты не боишься на работе курить? Запрещено ведь.

- Боюсь. Очень за папу волновалась, вот и не выдержала. Ты была на смене, а больше поговорить не с кем.

- Гуля, на пожарной лестнице камеры установлены.

- Знаю. Я на самый верх поднялась, под крышу. Там камер нет.

Попрощавшись с подругой, Саша пристегнула поводок к Тошкиному ошейнику и направилась к дому.

Что на свете нет человека несчастнее ее, Варя знала точно. И точно знала, что нужно сделать, чтобы стать счастливой сразу и навсегда, - надо поверить, что Илья ее любит и никогда не бросит. Варя очень хотела в это верить, но не могла. Не получалось.

Если бы Илья каждое утро шептал ей, что любит, если бы звонил каждые два часа и говорил, как скучает, если бы, возвращаясь по вечерам домой, с порога начинал ее целовать и долго не отпускал, она бы в его любовь поверила, но он этого не делал. По утрам он молча пил чай или кофе, съедал наспех пару бутербродов и, чмокнув ее в висок, убегал.

Раньше было не так, раньше он прислушивался к ее словам и помнил, что по утрам нужно непременно есть кашу, чтобы через несколько лет не заболел желудок. Илья варил кашу на двоих и будил Варю, когда еда была готова. Раньше они всегда завтракали вместе.

Конечно, и тогда не все было гладко, Илья запросто мог вскочить из-за стола, когда Варя еще не доела, мог вымыть свою тарелку и забыть про Варину, за что она, конечно, ему выговаривала. Но все-таки это были совместные завтраки.

Теперь каждый завтракал сам по себе, даже если они одновременно сидели за столом, и это было ужасно. А самое ужасное, что Варя не помнила, как и когда это началось.

Она заметила изменения, когда Илья перешел в головную отраслевую компанию. Собственно, на этом настояла Варя. До этого Илья работал на кафедре, где учился и защитил кандидатскую диссертацию, и всем был вполне доволен. Зарплата доцента, конечно, смешная, но он выполнял еще научные работы, которые оплачивались вполне прилично. Илья всем был доволен, а Варя нет. А как ей могла нравиться работа мужа, если его ежедневно окружали молодые девчонки? Конечно, не нравилась. С каждым годом разница между Варей и студентками мужа увеличивалась, а Илья как был молодым перспективным ученым, так им и оставался. Кому же это понравится?

Варя долго и исподволь объясняла ему, что преподавательская работа малопrestижна. Ну чем он отличается от школьного учителя? Да почти ничем. Настоящий ученый должен тратить свое время на научную работу, а не на недоумков-студентов, и все в таком роде. Пожалуй, сейчас этот номер с Ильей не прошел бы, он очень изменился с тех пор, но тогда муж службу все-таки поменял. Вообще-то Варя догадывалась, что для Ильи все ее доводы шиты белыми нитками и он отлично понимает, почему ей хочется, чтобы он ушел с кафедры. Ну и ладно, главное, что цели она достигла.

Правда, лучше ей от этого не стало. Стало даже хуже. Если никаких романов со студентками Илья заводить точно не стал бы, молоденькие дурочки его мало интересовали, и это не соответствовало его нормам морали, то на новом месте все было иначе. Там женщин оказалось хоть и меньше, чем мужчин, но тоже вполне достаточно. И они совсем не походили на старых дев, занятых

исключительно собственной карьерой. Побывав впервые на мужнином корпоративе, Варя не нашла ни одной, которая показалась бы ей неопасной, за исключением уж совсем старух. Варя чуть не плакала, когда Илья знакомил ее с коллегами.

После того корпоратива она стала потихоньку выспрашивать у Ильи про молодых сотрудниц, но тот только бурчал, что общих работ с ними не ведет, ничего про них не знает и знать не хочет. «Отстала бы ты от меня, Варь, – сказал он как-то вечером. – Устаю как собака, а тут ты со своей дурью. Какого черта ты ко мне пристаешь? Что ты хочешь услышать?»

С того вечера Варя заметила, что что-то в доме пошло не так. Раньше муж сказал бы по-другому. «Дурочка моя, – сказал бы он, – я так тебя люблю, а ты мучаешь и меня и себя. Нет для меня других женщин. Нет и никогда не будет».

Потом умерла свекровь, Илья замкнулся, и какое-то время Варя было по-настоящему страшно. Казалось бы, после смерти матери он должен крепче привязаться к жене, а он говорил только о сестре Кате, как будто та была трехлетним ребенком, а не взрослой замужней теткой. Но тот период Варя мужу простила, все-таки человек мать потерял, большой адекватности от него требовать трудно.

Окончательно Илья изменился после истории с собакой. Собственно, никакой истории не было, он спросил, хочет ли Варя взять щенка, она ответила, что не хочет. И любая на ее месте ответила бы так же. Неужели в дом собаку с помойки тащить?

Варя подумала, не сварить ли себе кашу, поленилась, съела кусочек сыра, обещая, что больше никогда не будет сидеть на сухомятке.

Включила компьютер, посмотрела служебную почту – ничего срочного. Она давно уже работала на полставки, трудиться полный день утомительно и ни к чему, а быть домохозяйкой глупо и опасно. Во-первых, от Ильи она тогда будет зависеть целиком и полностью, во-вторых, не сможет требовать к себе полноценного уважения, все-таки само слово «домохозяйка» предполагает невысокий интеллектуальный уровень. А своим уровнем Варя гордилась.

Работа на полставки имела еще одно преимущество. Если Варины коллеги должны были просиживать в офисе полный рабочий день, то она могла не появляться там вовсе. Когда работы было много, она вкалывала даже в выходные, и все знали, что на Варвару Томилину всегда можно положиться. И никому не приходило в голову высчитывать, сколько времени она провела в офисе. Аврал заканчивался, и Варя появлялась на работе раз в неделю, иногда даже реже. Когда хотела, тогда и появлялась.

Сегодня идти в офис настроения не было. Варя нашла в Интернете лекции по истории религии и заставила себя сосредоточиться. Нельзя опускаться. Нельзя не иметь никаких интересов. Даже если не веришь собственному мужу.

Перед самым концом рабочего дня жена позвонила Илье по городскому телефону. Илья догадывался, почему она это делает – проверяет, на месте ли он, ему было стыдно за Варю и неловко перед секретаршами. Вообще-то на секретарш ему наплевать, но выглядеть дураком он не хотел ни перед кем, даже перед ними. Скорее всего, секретаршам тоже не было до него никакого дела, до его жены тем более, но ему казалось, что почти ежедневные Варькины вечерние звонки все вокруг могут расценить как контроль ревнивой дурой.

Прямой городской телефон у Ильи, конечно, был, но у него хватило ума этот номер жене не давать. Он предназначался для экстренной связи, и занимать его пустыми Варькиными разговорами не следовало. Поэтому жена звонила ему, как все простые смертные, через секретариат. Варе это было даже удобнее, секретарши объясняли ей, почему не могут соединить: у него совещание, или он у руководства, или обедать пошел, или еще что-нибудь. Если, возвращаясь с обеда, Илья слышал, что ему звонила жена, он ждал очередного звонка через полчаса, и опять на городской – Варя удостоверилась, что он вернулся на место. Господи, ну за что ему такое наказание?

– Варя, зачем ты звонишь по городскому? – зло спросил он, понимая, что это ничего не изменит.

– У тебя не отвечал мобильный.

– Кончай! Мобильный у меня перед глазами, и он в порядке. Хватит из нас обоих дураков делать!

– Это чем же я делаю из тебя дурака? – тихо спросила Варя, и этот тихий голос не предвещал ничего хорошего. – Я не имею права позвонить собственному мужу?

– Имеешь, – устало подтвердил Илья. – Что ты хотела сказать?

– Хотела попросить тебя зайти за хлебом.

– Зайду. – Она целый день сидела дома и вполне могла принести хлеб сама, но напоминать об этом было равнозначно самоубийству. – Что-нибудь еще?

– Нет.

– Варя... – Он понимал, что едва ли из его бунта выйдет что-нибудь стоящее, скорее, вместо худого мира он получит добрую войну, но продолжаться дальше так просто не могло. – Я тебя очень прошу звонить мне по городскому только в случае крайней необходимости. Крайней необходимости, понимаешь? Насчет хлеба сбрасывай смс, если дозвониться не можешь.

– Почему? – Голос у нее задрожал. Плачет, понял Илья. – Почему я не могу тебе звонить?

– Потому что каждый идиот понимает, что ты меня контролируешь! – Он не сразу понял, что кричит, и заговорил тише. Не хватало еще, чтобы его вопли услышали за дверью кабинета. – Потому что ты превращаешь нашу жизнь в фарс, в посмешище. Я тебе поводов для ревности не давал, а если у тебя сдвиг, сходи к психиатру. Лечись, черт возьми!

Вместо ее голоса слышались короткие гудки. Илья положил трубку и с тоской понял, что не хочет идти домой.

В прошлом году у сестры тоже был кризис в отношениях с мужем. Катя несколько дней жила в квартире их матери, Илья тогда очень за нее переживал, не зная, чем и как ей помочь, он был не в курсе, почему Катя порвала с мужем, которого любила. И Глеб любил ее. Потом отношения в семье сестры восстановились, Илья успокоился, Варя постоянно напоминала, что мамину квартиру неплохо было бы сдавать, он слабо сопротивлялся. Представить, что

в доме, где они с Катей выросли, станут жить чужие люди, было неприятно.

Хорошо, что жилье свободно. Будет куда уйти, если Варя не прекратит его доканивать.

Наверное, он действительно устал, если сорвался почти на пустом месте. Раньше Варя устраивала и не такое. Однажды она закатила истерику прямо на улице, увидев его разговаривающим с бывшей одноклассницей, Илье до сих пор было мерзко это вспоминать. Слава богу, что с тех пор ту одноклассницу он ни разу не встретил, иначе провалился бы сквозь землю. Но тогда он терпеливо уговаривал жену и ждал, когда с нее сойдет дурь и жизнь опять станет жизнью, а не сплошным кошмаром.

Зря он уговаривал, ждал и терпел, давно надо было все это пресечь.

Он посмотрел на экран компьютера с очередным крупно напечатанным приказом, который необходимо подготовить к завтрашнему дню, понял, что работать не сможет, запер кабинет, попрощался с девушками в секретариате и поехал домой. Если, конечно, домом можно считать место, где тебя не уважают.

У супермаркета он притормозил, поплелся в холодное от работающих кондиционеров помещение, взял горячий кирпичик, обсыпанный какими-то хлопьями и стоивший, как обед в недорогом кафе. Варе должно понравиться.

Девушку с собакой он заметил, когда подъезжал к повороту в собственный двор.

Квартира у них с Варей была большая, окна выходили не только во двор, но и на ограду парка, вдоль которой шла девушка, но он рискнул. Бросил машину, наполовину заехав на тротуар, и догнал девушку.

– Я давно хотел вам сказать, – поравнявшись с ней, угрюмо произнес Илья. – Я сожалею, что тогда навязал вам собаку. Простите.

– Я поняла, – еле заметно улыбнувшись, кивнула она.

– Что вы поняли?

– Поняла, что вы об этом сожалеете. – Щенок недовольно на него покосился и тихо зарычал. – Перестань, Тоша! Не переживайте, мы прекрасно ладим. Мы большие друзья и очень вам благодарны.

Она не улыбалась, но Илье показалось, что она над ним смеется. Нет, не смеется, подшучивает.

Очень хотелось спросить, как она поняла, что ему неловко перед ней и неприятно вспоминать ту сцену на остановке, когда она взяла щенка из его рук и ушла, не оглядываясь. Она понимает, он это чувствовал.

Последняя дура поняла бы. Слишком виноватый был у него вид, когда он встречал ее с собакой. Без собаки тоже.

– До свидания, – кивнул Илья.

– До свидания.

Она свернула в парк, Илья пошел к подъезду.

– Вот, – войдя в квартиру, он протянул жене пакет с баснословно дорогим хлебом.

Варя не ответила, сделала вид, что вообще его не видит. Он молча пожал плечами, положил пакет на стол в кухне.

Хорошо, что свободна мамина квартира.

– Долго гулять не сможем, – объяснила Саша собаке. – И спускать тебя я не буду. Ты убегаешь, а мне тебя, дурачка, ловить некогда, я могу на работу опоздать.

От встречи с человеком, всучившим в конце зимы ей щенка, остался неприятный осадок. Ей давно казалось, что мужчина, которого она изредка встречала, хочет с ней заговорить, только почему-то она считала, что скажет он что-то совсем другое.

Саша потянула поводок и, когда подскочивший Тошка, встав на задние лапы, передние положил ей на бедро, погладила пса по голове.

Она никогда не мечтала иметь собаку, даже в детстве. И всегда считала, что к собакам равнодушна. Наверное, если бы не этот мужик, прошла бы мимо крошечного Тошки, не обратив на него никакого внимания.

Мужик тогда выглядел таким несчастным, и весь его вид так не соответствовал модной одежде и дорогой машине, что в первый момент ситуация показалась ей какой-то нереальной, надуманной, как будто перед ней разыгрывали комедию. Она до сих пор не понимала, почему сразу не послала его к черту, и ужасалась, что могла не взять Тошку. Слава богу, что взяла.

Потом она столкнулась с мужиком у метро. Тот кивнул ей, Саша кивнула в ответ, с трудом вспомнив, кто этот человек. Но тогда он уже не выглядел несчастным, он выглядел, как все. Наверное, поэтому она его не сразу вспомнила.

А однажды Саша увидела его вместе с женщиной, и по тому, как пара шла, поняла, что он женат. Его жену Саша с тех пор тоже изредка встречала и про себя так и называла ее – его жена.

Она была очень красивой, очень ухоженной и высокомерной. Идя по улице, никого вокруг не замечала, никому не уступала дорогу, как обычно машинально делают люди на узком тротуаре. И почему-то, что у других выглядело бы как хамство и невоспитанность, у его жены выглядело естественно и оправданно, как будто она богиня и простые смертные обязаны перед ней расступаться.

Потом Саша иногда по утрам встречала мужика в парке, тот бегал, как и положено заботящемуся о себе человеку. Если, конечно, у него других забот нет. Иногда он обгонял Сашу, иногда бежал ей навстречу, неизменно вежливо здороваясь. И каждый раз Саше казалось, что ему хочется задержаться, заговорить с ней, пойти рядом.

Вот сегодня заговорил, и теперь она точно знала, что она – дура и больше никто. Потому что слишком много думает о чужом, практически незнакомом женатом мужике. Лучше бы о Гоше думала.

– Пойдем домой, Тошенька, – слабо дернула поводок Саша. – Пойдем, маленький. А то я опоздаю на работу, меня уволят, и нам нечего будет кушать.

Нужно выходить за Гошу замуж, посоветовала себе Саша. Я превращаюсь в типичную старую деву, у которой нет никого дороже собаки.

Вернувшись домой, она посмотрела на термометр. После промозглого июня, когда казалось, что лето никогда не наступит, июль установился теплый, а со второй половины так просто жаркий. Вот и сейчас термометр за окном показал тридцать градусов.

Саша быстро залезла под душ, вытершись, внимательно вгляделась в собственное отражение. Брови совсем выгорели, волосы тоже. На носу веснушки. Более незапоминающейся внешности не найти. Прямая противоположность его жене.

Если бы не жарница, Саша накрашила бы сейчас глаза и губы и стала бы очень интересной шатенкой. Строго говоря, она была русой, как большинство населения России. Но однажды на корпоративе подвыпивший Валерий Петрович ей так и сказал:

– Вы очень интересная шатенка, Сашенька. Настоящая красавица.

Жаль, что Гоша никогда не говорит ей комплиментов.

Саша вздохнула и ограничилась тем, что слегка подкрасила ресницы.

– Сиди тихо, – погрозила она питомцу. – Сиди тихо, я приду утром.

Идти до офиса пешком было ровно сорок минут. Иногда Саша так и делала, но сейчас, ступив на разогретый за день асфальт, направилась к метро, проехала остановку. Потом проехала две остановки на трамвае и облегченно вздохнула, оказавшись под кондиционером диспетчерского пункта.

Зря она сказала мужику, что поняла, как ему перед ней неловко. Теперь он будет считать, что она о нем думает.

Она больше не станет о нем думать, у нее есть Гоша и собственная жизнь.

До начала смены оставалось пятнадцать минут. Появился Боря Романенко, по случаю ночного дежурства одетый не в костюм, как полагалось диспетчерам, а в джинсы. Парень Саше нравился – немногословный, выдержанный, болтунов она не любила. Девочке Юле – если Гуля не ошиблась – повезло, о таком муже можно только мечтать.

– Ты сегодня старшая, – прощаясь, напомнил Саше начальник диспетчерской службы.

– Я помню.

Быть старшей смены Саше уже случалось, и она этого не любила. Денег это не прибавляло, зато ответственности прибавляло с избытком.

Отработавшие диспетчеры пожелали вновь вступившим доброй смены, Саша и Боря остались одни.

– Саша, – подъехав к ней на компьютерном кресле, отчего-то шепотом позвал Боря, – у меня к тебе просьба.

– Давай, – кивнула она.

– Ты не возражаешь, если с нами Юля Ивлева из службы режима побудет?

– Как побудет? – не поняла Саша. – Зачем?

Посторонним находиться в помещении диспетчерского пункта категорически запрещалось. Конечно, кое-кто заглядывал, та же Гуля забегала к Саше в дневную смену. Но ночью?..

– Зачем? – недовольно повторила она.

– Саша, я тебя прошу. Она побудет в комнате отдыха.

Комната отдыха, где они могли ненадолго расслабиться, территорией диспетчерского пункта не считалась, но все-таки...

- Боря, а если случится авария? Тьфу-тьфу-тьфу, - Саша постучала по деревянному столу. - Если вдруг авария, будет работать комиссия и выяснится, что у нас были посторонние?.. Ты хочешь, чтобы меня уволили?

- В случае аварии Юля уйдет.

- Куда? - разозлилась Саша. - Куда она уйдет? В женском туалете будет прятаться?

- Ей придется прятаться в женском туалете, если ты непустишь ее в комнату отдыха.

- Боря, в чем дело? Почему она не может поехать домой?

- Не может. Саша, пожалуйста.

Боря всегда казался ей совсем юным, хотя был моложе всего на несколько лет. Сейчас она в его юности засомневалась, слишком твердо он на нее смотрел.

- Черт с тобой, - буркнула Саша. - Но...

- Если что, она немедленно исчезнет, - сказал Боря.

Саша недовольно отвернулась, уставилась в экран.

23 июля, среда

Девочка Юля совсем не мешала, Боря оказался прав. Сидела в комнате отдыха, не показывая оттуда носа, иногда Саша даже забывала, что допустила нарушение регламента.

Перекрывающая все нормы жара кое-где в соседних областях сменялась грозами, происходили редкие отключения линий электропередачи.

– Диспетчер Рахманова, – Саша снимала трубку телефона, выслушивала доклады диспетчеров региональных систем. Нормальная смена, все как обычно.

– Иди отдохни, – предложил Боря. – Поспи часок.

Спать хотелось ужасно, но Саша знала за собой такую особенность – заснуть не сможет. Ни на часок, ни на пять минут.

– Отдохну, – кивнула она. – Хочешь, кофе тебе сварю и принесу?

– Спасибо, не надо.

В комнате отдыха с фикусом, пальмами и мягкими диванами царил полумрак. Юля свернулась клубочком на одном из диванов, Саша сначала решила, что она спит, пока не услышала тихое всхлипывание.

– Юля, – тихо позвала Саша. – Что с тобой? Что случилось?

– Ничего, – последовал ответный шепот. – Ничего. Извините.

Девочку Юлю, невысокую, кругленькую, Саша практически не знала. Здоровалась, встречая в коридоре, в компании было принято здороваться со всеми. Корпоративный стиль такой. Стиль, кстати, Саше нравился. Если бы не Гуля, которая работала с Юлей в одной службе, Саша даже не знала бы, как зовут девчонку.

– Ты плачешь?

– Нет. Извините.

Саша прилегла на свободный диван, закрыла глаза. Саша не плакала, наверное, лет с пяти. Или с трех. Потому что лет с трех для нее главным было, чтобы не плакала мама. «Меня никто не любит, – плакала та, обнимая совсем крошечную Сашу. – Меня никто не любит, и я умру».

«Я тебя люблю, мамочка, – уверяла Саша. – Я тебя очень люблю. Не плачь».

Кажется, она все-таки задремала.

– Да, – испуганно говорила рядом Юля. – Да.

Оказавшийся здесь же Боря вырвал у нее телефон.

– Деньги привезу я, – быстро сказал в трубку Боря. – Деньги привезу я, или вы их не получите.

– Боря, – Саша выпрямилась на своем диване, но Боря не обратил на нее внимания.

– Да, – говорил он. – Да...

– Черт вас возьми! – только сейчас Саша поняла, как сильно испугалась. – Что происходит? Что вы тут в игры играете? Это диспетчерский пункт!

– Мне нужно отъехать, – объявил Боря, проведя Юлиным телефоном по подбородку. – Я скоро вернусь.

– Ты!.. – задохнулась Саша. – С ума спятил? Ты уйдешь со смены?!

– Я скоро вернусь, – повторил Боря.

– Я с тобой! – маленькая Юля обхватила высокого Борю за талию. – Я с тобой, Боренька!

– Я скоро вернусь. – Он оторвал от себя ее руки, достал из кармана рубашки пачку денег, пересчитал.

– Боря, ты рискуешь работой, – обреченно напомнила Саша. Черт возьми, она тоже рискует работой.

– Я скоро вернусь, – кивнул он им обеим.

За Борей мягко хлопнула дверь. Даже при приглушенном свете было видно, что Юля опухла от слез, они лились потоком, она смахивала их тыльной стороной ладони.

– Юлечка, – стараясь говорить помягче, спросила Саша, – что у тебя случилось?

Юля мелко затрясла головой, опустилась на диван, спрятала лицо в ладонях.

На пульте зазвонил телефон.

– Диспетчер Рахманова, – Саша сняла трубку, машинально отмечая время звонка. Три часа ночи.

Следующие два часа Саша придумывала разные слова, которые она скажет идиоту Боре, когда тот наконец появится, а потом поняла, что не злится на него.

Она за него боится.

– Юля, – войдя в комнату отдыха, потребовала Саша, – рассказывай сейчас же, где Боря.

Где он?

Девушка подняла на нее испуганные глаза.

– Я не знаю.

– Юля!

– Я правда не знаю. – Она больше не плакала, говорила ровным голосом, отчего Саше стало совсем тоскливо.

– Кому он повез деньги? Куда?

– Я не знаю.

– Он должен отдать деньги и вернуться?

– Д-да...

– У тебя вымогают деньги?

Угадала, поняла Саша, глядя на молчащую Юлю. Парочка во что-то вляпалась.

Саша постояла около сжавшейся девчонки, вздохнула и вернулась за пульт.

В половине восьмого, когда вот-вот должна была появиться дневная смена, Саша опять направилась в комнату отдыха. Юля сидела в той же позе, обреченно взглянула на Сашу и отвела глаза.

Девчонку нужно было выгонять.

– Я сейчас уйду, – догадалась Юля, и в этот момент зажужжал зажатый в ее руке телефон.

Юля разжала ладони, посмотрела на дисплей, выпрямилась, подпрыгнула и закричала в трубку:

– Боря! Боренька! – а потом замерла и начала заваливаться на бок.

Только этого не хватало!

– Да! – рявкнула Саша, выхватив у девчонки телефон.

– Вы кто? – озадаченно спросил мужской голос.

– А вы?

– А я врач «Скорой», – усмехнулся абонент. – Подобрали вот Бориса Валерьевича Романенко, в больницу везем.

- Что с ним?

- А вот этого я вам сейчас не скажу. По голове ему хорошо дали, это точно. Пока без рентгена ничего больше не знаю. Без сознания он. Когда грузили, пришел в себя ненадолго, просил по этому номеру позвонить.

- Спасибо вам. Спасибо большое. А в какую больницу везете? - догадалась спросить Саша.

Мужчина ответил и отключился.

- Юля, - потрясла она лежавшую на диване Юлю. - Юлечка!

Слава богу, та открыла глаза, сфокусировала их на Саше.

- С Борей все будет хорошо, - заверила Саша. Господи, хоть бы так и было! - Ты встать можешь?

- Могу. - Юля села, потом медленно поднялась.

- Иди умойся и возвращайся. Сейчас кончится смена, и мы поедем в больницу. Одну я тебя не пущу, еще по дороге в обморок грохнешься и тоже в больницу попадешь. Только сначала зайдем ко мне, нужно собаку вывести.

Отпускать ее одну Саша не рискнула, девчонка казалась не способной здраво мыслить. Наверное, Саша тоже не смогла бы здраво мыслить, если бы Гошу отвезли в больницу с пробитой головой.

Юля послушалась, с Сашей ей было спокойнее. Жаль, что нет никого, с кем было бы спокойно самой Саше.

Объяснить Борино отсутствие оказалось проще простого.

- Он плохо себя почувствовал, я его отпустила полчаса назад, - соврала Саша.

– В такую жару можно запросто простудиться, – кивнул принявший смену диспетчер.

На Юлю, к счастью, никто не обратил внимания.

– Посмотри в холодильнике, чем бы нам с тобой перекусить, – приведя девушку домой, попросила Саша, надела на Тошку ошейник и направилась в парк привычной дорогой.

Утром Варя продолжала его не замечать. Обычно к этому времени Илья уже чувствовал себя виноватым, очень жалел жену и принимался осторожно подлизываться. Варя постепенно добрела, начинала плакать, отчего ему становилось совсем тошно, и долго объясняла, как сильно он ее обидел. Илья каялся, и жизнь восстанавливалась до следующего раза.

Он и сегодня чувствовал себя виноватым, жена же не специально это делает, просто характер такой. Только сегодня к чувству вины добавилось другое – ему хотелось поскорее исчезнуть из дома и как можно дольше ее не видеть. А лучше всего не видеть никогда.

– Кофе будешь? – спросил Илья, выключая газ под туркой.

Она не ответила. Илья стоя выпил кофе, надел шорты и футболку, вышел на улицу.

Девушку с собакой он нагнал у входа в парк.

– Что с вами? – вглядываясь в ее лицо, удивился Илья.

Раньше ему казалось, что она смотрит на мир с невозмутимым любопытством, ему самому становилось спокойно под ее взглядом. Сейчас у нее под глазами были синяки, как у больной. И вся она казалась какой-то сломленной, обессиленной.

– В каком смысле? – не поняла она.

- У вас усталый вид.

- А... Я действительно устала, у меня была ночная смена.

Странно. Она не производила впечатления фабричной девчонки. Впрочем, он бы затруднился сказать, какое впечатление она на него производила. Какое-то такое, что от нее не хотелось уходить.

Песик задержался у ближайшего дерева. Она остановилась, Илья тоже.

Она о чем-то напряженно думала, глядя мимо него.

- У вас неприятности? - неожиданно спросил он.

- Да, - она кивнула. - У меня коллегу ранили.

- Как это ранили? - тупо спросил он. - Вы служите в ополчении Донбасса?

- Нет. - Она улыбнулась. Улыбка у нее была легкая, под глазами собрались морщинки. - Я диспетчер.

- Кто? - Она не переставала его удивлять. - Кто вы?

- Диспетчер, - она опять улыбнулась.

- Круто, - признал он. - Авиа?

- Энергетика.

- Тоже не слабо.

Собака натянула поводок, они вновь направились вдоль дорожки.

- Я считал, что это чисто мужская профессия.

– Правильно считали, – подтвердила она. – Мужская. Я выполняю мужскую работу. Она, видите ли, не слишком хорошо оплачивается, мужчины предпочитают становиться начальниками.

– Так что с вашим коллегой? Его побили за то, что не предотвратил аварию? Где-то не вовремя отключили свет, и разъяренная публика поквиталась с вашим коллегой?

– Не смейтесь, пожалуйста, – попросила она.

– Простите. Что с ним? Скажите, у меня много знакомых докторов. Моя мама была врач, и связи остались.

– Нам позвонили из «Скорой». Его везли в больницу, мы сейчас к нему поедem.

Илье хотелось спросить, кто это мы, но спросил он другое:

– В какую больницу его отвезли?

Она назвала. Повезло, его мама там проработала всю жизнь.

– Вас сейчас туда не пустят. То есть вас как раз пустят.

Она, чуть улыгнувшись, озадаченно на него посмотрела, и он объяснил:

– Сейчас в больнице неприемные часы, но вас пропустят, потому что я попрошу своих знакомых. Как вас зовут?

– Александра Рахманова и Юлия Ивлева.

– Вы Александра?

– Да.

– Шура?

- Слава богу, нет. Саша.

- Илья. Не любите свое имя?

- Терпеть не могу.

- Это плохо. Это мешает внутренней гармонии, - вспомнил он. Он думал, что Саша улыбнется, но она промолчала.

- Вы правда нам поможете? - У выхода из парка Саша придержала собаку, заглянула Илье в глаза. Вид у нее опять был совсем несчастный.

- Правда, - пообещал он. - Поезжайте к своему раненому. Вас пропустят.

Маминой подруге, до сих пор работавшей в больнице, он позвонил прямо из дома, хотя раньше старался ни с кем при Варе не разговаривать. Из чувства самосохранения. Предугадать, к какому слову Варе придет в голову придраться, он так и не научился.

Убрав телефон, принял душ, переоделся и поехал на работу.

Если бы Варя сию секунду могла умереть по собственному желанию, она бы так и сделала, потому что никто не мог страдать больше, чем сейчас страдала она.

Она ждала, что Илья еще ночью попытается смириться, погладит ее по плечу, а она сбросит его руку и заплачет. И будет плакать долго, пока он не поймет, какую сильную боль ей причинил, и полностью не раскается. Тогда она, конечно, его простит, но не до конца, еще какое-то время будет грустной, печальной, а он виноватым.

Этот период, когда сама она печальна, а муж виноват, Варя любила больше всего. Он напоминал ей давние времена, когда Илья самозабвенно ее добивался. Вообще-то Варя сразу решила, что лучше Ильи мужа ей не найти, еще когда впервые его заметила среди сокурсников. И дело не только в том, что Илюша Томилин парнем был видным, плечистым, с правильной речью коренного москвича и неизменной привычкой пропускать девочек вперед при входе

в аудиторию. На рост и плечи Варя особого внимания не обращала, а манеры – дело наживное, она способна любого научить хорошим манерам. Дело было в другом: от него, еще совсем мальчика, веяло врожденной мужской надежностью, тем, что она интуитивно чувствовала и чего нельзя приобрести искусственно.

Она и ошиблась, и не ошиблась. Не ошиблась потому, что в надежности Ильи не сомневалась никогда, даже сейчас, и точно знала, что ни на какой подлый поступок ни по отношению к ней, ни по отношению к кому-то другому он не способен.

А ошиблась, потому что широкие плечи и хорошие манеры привлекали не ее одну. Многих привлекали, вот в чем ужас-то.

Конечно, цену себе Варя знала. Еще бы не знать, если вокруг нее вились почти все мальчики в группе. Да и за все время брака она нисколько не подурнела, даже наоборот, приобрела зрелую уверенную женскую красоту. Располнела немного, но это ей шло, худыми могут позволить себе быть только совсем молоденькие девочки, у настоящих женщин кости торчать не должны.

Они с Ильей были достойной парой. Им бы еще счастливыми стать, но вот счастья Илья ей так и не дал.

Ты вытащила в жизни счастливый билет, сказала как-то ей подружка. Варя как раз жаловалась на Илью. Правду сказать постеснялась, а пожаловаться хотелось. Правда была неприглядная и очень для нее обидная.

Накануне встречи с подружкой они ездили к свекрови на дачу, эти поездки Варя всегда терпеть не могла. Хоть и грех так говорить, а хорошо, что свекрови больше нет и ездить не к кому. Так вот, в тот раз на даче была и сестра Ильи Катя, и к Кате пришла соседка, с которой они с детства дружили и которая долгое время жила за границей. Катя с подругой уселись на веранде, потом к ним свекровь подседа, а потом и Илья. Варю компания, конечно, звала, но она загорала в гамаке и только качала головой – мне и здесь хорошо.

Компания все сидела и сидела, загорать Варе надоело, а слышать веселый смех так и вовсе никаких сил не было. По дороге домой Варя плакала и объясняла Илье, как бестактно и некрасиво со стороны свекрови так обходиться с гостьей.

То есть с ней, с Варей. Она плакала, а у Ильи каменел подбородок, и вопреки ожиданиям каяться он в тот раз не стал. Ужас получился, а не поездка.

Подружке Варя рассказала, что свекровь настраивает Илью против нее, а у того не хватает воли поставить мать на место. Потому что тряпка.

«Ты вытянула счастливый билет, – повторила подружка. – Ты бы цеплялась к нему поменьше и нервы ему трепала пореже, а то ведь ему в один прекрасный момент не захочется домой идти». Варя тогда очень на подружку обиделась, хоть и жалела дуру.

У подружки тогда был тяжелый период. Дети болели, мать болела, саму с работы уволили, и мужниной зарплаты на всех не хватало. Подробности Варя пропускала мимо ушей, потому что человеком была ранимым и чужие проблемы ее очень расстраивали.

Варя обиделась на подружку, потому что та прямо указала на истинное ее горе – Илье в любой момент могло не захотеться идти домой, и это было Вариным постоянным страхом. Дурой-то Варя не была и понимала, что постоянные слезы в конце концов могут утомить. Только поделаться с собой ничего не могла.

Вот если бы муж был другим... Или нет, если бы она, Варя, была другой, великой актрисой, например, и все бы вокруг говорили, как Илье повезло, что рядом с ним такая женщина, и сама Варя понимала бы, что она в своей величии просто снисходит до ничем не примечательного мужа, их семейная жизнь наладилась бы. Тогда она не боялась бы, что какая-то другая станет ему интереснее ее, Вари, и не злилась бы ни на Илью, ни на баб, которые около него вертятся.

К сожалению, Варя не была великой актрисой и ей не приходилось отбиваться от поклонников.

Илья вернулся с пробежки, заговорил по мобильному. Вроде бы с Лизой, бывшей свекровиной подругой. Когда муж закрылся в ванной, Варя достала его мобильный, посмотрела на номер последнего вызова – так и есть, Елизавета Ивановна, бывшая свекровина коллега, старуха-терапевт. Неопасный звонок, Варя о нем сразу же забыла.

Судя по всему, мириться Илья не собирался, и стоило подумать о том, как заставить его это сделать.

Юлю Саша застала на том же месте, где и оставила, – сжавшуюся в углу на кухне.

– Съешь бутерброд, – приготовив чай, назидательно и банально велела Саша. – Съешь хоть что-нибудь.

К счастью, осталось полбанки красной икры. Саша намазала икру на хлеб, протянула Юле, та, не замечая вкуса, медленно его сжевала.

Женщина может себе позволить быть слабой, когда у нее есть такая возможность, говорила когда-то бабушка. Получалось, что у Юли такая возможность есть. А еще получалось, что сильной должна стать Саша, кто-то же должен решать, что им теперь делать и куда идти.

До больницы добрались быстро. Илья не подвел, через проходную их пропустили, несмотря на неприятные часы, и даже подсказали, в каком корпусе находится травматологическое отделение.

Уже в отделении Саша долго выясняла, где искать больного Романенко, догадалась сунуть медсестре тысячу, и их – на минуточку, только на минуточку – пропустили в реанимацию. Боря лежал с закрытыми глазами и был совсем не похож на прежнего себя. Саша старалась не смотреть на тянувшиеся к нему трубки, а несчастная Юля, присев рядом с кроватью, тихонько гладила Борину руку, в которую была воткнута игла капельницы.

– Он поправится? – спросила Саша у молодого веселого врача, когда сестра вытолкала их из палаты.

– Поправится, – кивнул врач. – Молодой, здоровый. Поправится. Мозг не задет, а кости срастутся. Будет как новенький.

По дороге в больницу Юля покорно шла за Сашей, вытирала подступавшие слезы и смотрела на нее с немимым ожиданием, как Тошка. Увидев Борю, который

больше не был прежним Борей, девушка плакать перестала. И взгляд у нее сделался осмысленным и серьезным. Наверное, у нее не стало возможности быть слабой.

- Сядь, - показав на лавочку, велела Саша, когда они вышли из больничного корпуса.

Юля, помедлив, опустилась на лавку, Саша села рядом.

- Спасибо вам, - сказала Юля.

- Не за что. Юля, послушай меня. - Саша проводила глазами проехавшую мимо «Скорую помощь». - Ты же видишь, Боря тебе помочь не может. Не уверена, что я смогу, но будет лучше, если ты мне все расскажешь. Две головы всегда лучше одной.

Саша покосилась на Юлю, та смотрела в сторону, стиснув ладони между колен.

- На Борю напали, ему наверняка придется иметь дело с полицией, и он вынужден будет рассказать, зачем он среди ночи оказался на улице. Тем более что он ушел со смены. Понимаешь, ему придется рассказать!

- У меня похитили сестру, - медленно проговорила Юля.

- Что?! - ужаснулась Саша. - Господи! Почему мы сидим здесь, а не в полиции?! Тебе не три годика! Ты что, не понимаешь, что творишь?!

- Они сказали, что убьют Машу, если я позвоню в полицию, - быстро заговорила Юля. - Они сказали, что убьют сестру, если я пойду к ментам. Они обещали, что, когда я передам пятьсот тысяч, ее отпустят. Они ведь ее отпустят, правда?

Она посмотрела на Сашу сухими глазами.

- Как вы думаете?

- Когда это случилось? - Мимо опять проехала «Скорая», но Саша ее не заметила.

- Позавчера. Я ушла на работу, мне позвонили на мобильный, сказали, твоя сестра у нас.
- Где ваши родители? Вы живете с родителями?
- Отдыхают в Испании.
- Ты им не сказала?
- Нет. Чем они могут помочь? Только переволнуются, а у мамы сердце больное. Боря сказал, надо самим действовать.
- Где ты взяла деньги? Боря дал?
- Мама оставила банковскую карточку. На всякий случай. Там было пятьсот тысяч. Я их сняла.
- Подожди, - остановила ей Саша. - На карточке было пятьсот и просили столько же?
- Да.
- Так, - Саша пораздумывала немного. - Сколько лет твоей сестре?
- Восемнадцать. Она в Бауманском учится.
- Тебе звонили на мобильный... С какого номера?
- С Машиного.
- Голос не показался знакомым? Подумай хорошенько.
- Нет, - уверенно покачала головой Юля. - Не показался. Голос был незнакомый.
- Мужской?

– Мужской. Он мне три раза звонил. Незнакомый голос, точно. Он сначала сказал, что Маша у них. Потом спросил, собрала ли я деньги. Потом сказал, чтобы привезла. И Боря поехал...

– Посмотри, нет ли вызовов, – ни на что не надеясь, попросила Саша. В реанимации им велели отключить телефоны.

Юля достала из сумки телефон, постучала пальцем по сенсорному экрану. Неотвеченный вызов был, Саша заметила, как мигает желтый индикатор.

Юля ткнула в экран, замерла с телефоном у уха и хрипло закричала:

– Маша! Машенька...

До Саши доносился из трубки неясный женский голос.

– Она дома, – растерянно сказала Юля, отнимая трубку от уха.

– Скажи ей, чтобы сидела дома и никуда не выходила. И никому не открывала, – распорядилась Саша. – Мы сейчас приедем.

Юля хотела возразить, ей было страшно уезжать от Бори. Тем более что Маша уже дома.

Она покорно поднялась, признавая Сашино старшинство.

«Я законченная старая дева, – поставила себе диагноз Саша – Мисс Марпл».

Юля жила в двух остановках метро, в огромных апартаментах, соединенных, судя по всему, из двух соседних. Отремонтирована квартира была недавно и очень качественно, родители девочек явно не бедствовали.

Маша оказалась очень похожей на Юлю, только чуть потемнее, чуть повыше и потоньше. Похожи сестры были не только чертами лица, но и выражением затравленности и страха. Не притворяется, констатировала Саша, глядя

на перепуганную Машу, встречавшую их в дверях. И тут же устыдилась, что мысль о притворстве вообще могла прийти ей в голову.

– Это Саша, – как будто младшей сестре это что-то объясняло, сказала Юля, обнимая всхлипывающую Машу. – Пойдем.

Юля за руку повела сестру в ближайшую комнату, усадила в кресло, сама устроилась рядом на подлокотнике. Саша села напротив. Девчонок было жаль до слез. Впрочем, Борю жаль гораздо больше.

– Маша, – мягко сказала Саша, – расскажи по порядку и подробно, что с тобой случилось. И ничего не бойся, все плохое уже позади.

Девушка закусила губу, не глядя на нее. Попыталась отодвинуться от сестры, но получилось плохо, Юля обнимала ее за плечи.

– Рассказывай, Маш, – тихо попросила Юля. – Это не только тебя касается, Борю чуть не убили.

Это Юле произнести было трудно. Саша вдруг заметила, как сильно она изменилась за несколько часов. Если бы ей не было чуть за двадцать, Саша сказала бы, что она постарела.

– Что? – Маша все-таки вынырнула из Юлиных рук, с испугом уставилась на нее.

– Да, Боря чудом остался жив, – подтвердила Саша. – Не хочешь рассказывать нам, пойдем в полицию. Расскажешь им. Пойдем?

– Я ничего не знаю, – испуганно затрясла головой Маша. – Я правда ничего не знаю.

– Просто расскажи, что случилось.

– Я вышла из дома...

– Зачем? – перебила ее Саша.

- Что? – не поняла Маша. Или сделала вид, что не поняла.

- Зачем ты вышла? – как можно мягче спросила Саша. – Тебя кто-то позвал?

- Н-нет, – девушка пожала плечами. – Просто вышла. В магазин.

Саша сдержалась, не спросила, зачем и в какой магазин понесло девчонку. Вопросы Маше явно не нравились. Впрочем, неизвестно, как бы вела себя на ее месте сама Саша.

- Я шла мимо дома. А потом... Потом меня мужик за руку схватил и в машину впихнул. Там сидел другой. Сказал, если я закричу, он меня убьет. Потом они стали звонить Юле.

- Машенька, они тебя... – Саша не знала, как подобрать нужные слова. – Ничем не обидели?

- Нет, – Маша покачала головой. – Они мне воду давали. Газированную. И хлеб с колбасой.

Вопросы девчонке не нравились. Впрочем, Саше тоже не нравилось быть следователем.

Выходило следующее. Двое неизвестных затолкали Машу в машину, выехали из Москвы и почти двое суток, остановив машину в каком-то лесочке, держали там девушку, карауля по очереди. О том, что у нее есть сестра, похитители откуда-то знали и даже были в курсе, что родители девушек в отъезде. Сначала они хотели потребовать за Машу миллион, но она твердо сказала, что миллиона сестре не найти, и бандиты решили взять то, что доступно, – пятьсот тысяч. Это объясняло странное совпадение имеющейся на счете суммы с требуемой.

Ночью бандиты опять вернулись в Москву. Один из них вышел из машины, вскоре раздались крики, второй бандит, выругавшись, поспешил к первому, и Маша, схватив опрометчиво брошенные ими телефон и сумку, убежала. Места она указать не может, потому что сначала неслась не разбирая дороги, а потом шла куда глаза глядят. Уже утром села в проходивший мимо первый трамвай, доехала до метро и потом домой. Стала звонить сестре, но телефон не отвечал.

Видимо, в это время Саша и Юля добирались до Сашиного дома и вызова не слышали. Потом Маша незаметно задремала, поскольку двое суток практически не спала. Потом начала звонить снова, но телефон сестры оказался выключенным.

Внешность бандитов Маша описать не смогла. Обычные дядьки среднего роста. Не толстые и не худые. Возраст – от тридцати до пятидесяти. Не молодые и не совсем старые. Саша когда-то читала, что обычно люди правильно определяют только возраст, близкий к своему. Понятно, что девчонка ничего точно сказать не может.

– Маша, – помолчав, предложила Саша, – нужно пойти в полицию.

– Нет! – сжалась в кресле девчонка. – Нет! Они меня убьют! Я не пойду! Они про Юлю знают, они все про нас знают!

– Их поймают.

– Нет! Я не пойду!

– Машенька, на свободе они опаснее.

– Я не пойду, – тихо повторила Маша, и стало ясно, что не пойдет, сколько ни уговаривай.

Саша кивнула Юле – выйди – и уже в прихожей предложила:

– Может, ей пока у меня пожить? Или обе поживите.

– Спасибо, – отказалась Юля. – Мы на даче можем пожить. Я сейчас к Боре поеду, как он скажет, так и сделаю.

– Нужно его родителям позвонить, – вспомнила Саша. – У тебя их телефон есть?

– У него родители далеко, в Сибири. Он здесь квартиру снимает. Не буду я пока звонить, зачем их пугать.

- Ну как знаешь. Уговори Машу пойти в полицию.

- Попробую.

Саша взялась за ручку входной двери и помедлила.

- Юля, этих людей кто-то на вас навел.

- Я понимаю.

- Позвони мне, расскажи, как там Боря, - напоследок попросила Саша и захлопнула за собой дверь.

После вчерашнего перелета Ксюша долго не могла заснуть, поэтому проснулась поздно. Она первая догадалась, что со свекром что-то не так. Руслан, как все мужики, к мелочам был невнимателен, так ничего бы и не знал до сих пор.

Руслан всегда звонил родителям домой на городской телефон. Свекровь продолжала работать, хотя давно могла позволить себе отдыхать в свое удовольствие, отрывать ее от занятий со студентами было нельзя. Свекор же занят был еще больше, поскольку все последние годы занимался исключительно деланием денег. Ксюше очень хотелось бы узнать, какие миллионы ему удалось положить на собственные счета и какие суммы он еще собирает к ним добавить. Впрочем, к сумасшедшим деньгам она никогда не стремилась, и интерес у нее был скорее академический. На хорошую одежду, на хорошую машину и так хватало, а ни о чем другом она никогда не мечтала.

Руслан звонил один-два раза в неделю на городской, подолгу разговаривал то с отцом, то с матерью, в зависимости от того, кто снимал трубку. Постепенно Ксюша к мужниным разговорам с родителями привыкла, а сначала очень удивлялась. Конечно, она тоже звонила родителям, не допускала, чтобы они беспокоились. Да и сама она о родителях беспокоилась, мало ли что... Только ей, как Руслану, никогда не приходило в голову обсуждать по телефону всякую ерунду. Политические новости, например. Или что у ребенка коллеги держится температура, а врач диагноз поставить не может. Зачем? Ни свекровь, ни свекор не знали ни коллегу, ни его ребенка, какая им разница.

Ксюша мужа не понимала, но всегда терпеливо ждала, когда тот наговорится. Даже не обижалась никогда, хотя за день успевала по нему сильно соскучиться. Без Руслана ей было тоскливо, даже когда читала что-то интересное, а с ним было не скучно, даже когда он утыкался в компьютер и о ней почти забывал.

Сейчас странно вспоминать, что поначалу как возможного мужа Ксюша Руслана не рассматривала. Одевался он просто, джинсы да футболка, ездил на пятилетней «Киа», и про то, что он человек весьма не бедный, Ксюша узнала случайно.

Однажды они с Русланом собирались в театр, он тогда постоянно куда-нибудь ее приглашал, собственно, с ним она и приучилась ходить в театры. В том году они где только не побывали, а раньше Ксюша если куда и ходила, то только в ночные клубы.

Ксюша докрашивалась в ванной, Руслан терпеливо ее ждал, разговаривая с мамой на кухне, когда снизу послышался удар, а потом ругань. Сосед Тимофеев, паркуясь, помял Русланову «Киа». От Тимофеева давно страдал весь дом, Ксюша искренне считала его чокнутым. Тот вечно ко всем цеплялся, гонял собачников, ругался с дворниками, а сам напивался до скотства и громкую музыку по ночам включал, мама даже однажды полицию вызвала.

В тот день Тимофеев тоже был здорово навеселе, со спустившимся вниз Русланом даже попытался подраться, но тот быстро заломил ему руку и четко и внятно попросил выразаться цензурно. Как ни странно, Тимофеев вежливую просьбу выполнил и вообще заметно струхнул. А Ксюша перед этим очень за любимого боялась, Тимофеев мужик был здоровый, в спецназе служил. Впрочем, скорее всего, он врал.

Руслан позвонил кому-то, чтобы отбуксировали машину, и вызвал такси.

– Новую придется покупать, – сказал он тогда Ксюше. – Ты какую хочешь?

– Но... Ты думаешь, отремонтировать нельзя? – Машина ей нравилась.

– Не имеет смысла, – отмахнулся он. – За битую все равно много не дадут, она и без того скоро сыпаться бы начала. Так какую тачку ты хочешь?

– Не знаю, – растерялась она. – Смотря сколько у тебя денег.

– Какую ты хочешь? – улыбнулся он.

Ксюша ответить так и не смогла, не говорить же, что хочет она миллиона за полтора, не меньше.

На следующее утро они поехали в автосалон. Руслан походил и выбрал «БМВ». Ксюша думала, что он оформит кредит, а он просто расплатился банковской картой.

Она знала, что он работает где-то на государственной службе, но только в тот день узнала, что в МИДе и скоро надолго должен уехать за границу.

Это был ее шанс. Ксюша быстренько подсуетилась, Руслан сделал ей предложение, и за границу они поехали вместе. Выходя замуж, она не понимала до конца, какой подарок сделала ей судьба. Сейчас она вышла бы за Руслана, даже будь он нищим.

Сейчас она готова ждать его годами, а не только терпеть его разговоры с родителями.

Ксюша сразу обратила внимание, что в последнее время разговаривает Руслан только с матерью. Подождала с месяц и заставила мужа спросить, почему отец не берет трубку. Так и выяснилось, что у свекра рак. Еще выяснилось, что про свою болезнь свекор говорить запретил, но, несмотря на это, Ксюша немедленно собралась и приехала. Когда человек тяжело болеет, лишние женские руки всегда нужны.

Вчера в больницу ехать было поздно, а сегодня она обязательно поедет.

Не вставая с постели, Ксюша позвонила матери, потрепалась немного, пообещала сегодня же заехать и набрала номер свекрови.

Вернувшись домой, Саша попробовала заснуть и даже подремала минут пятнадцать, после чего поняла, что больше в сон окунуться не сможет. Голова

тяжелая, делать ничего не хочется, одно мучение.

Зазвонил городской телефон. Саша думала, что это Гоша, но ошиблась.

- Он меня не любит, - не здороваясь, начала мама.

Он - очередной друг, кажется, Виктор, припомнила Саша. Или Владимир?

- Меня никто не любит.

Саша слишком устала, чтобы, как обычно, начать ее утешать. К тому же она хорошо понимала, что, несмотря на заверения врача, сегодняшнее приключение может не пройти для Бори даром. Конечно, он чужой человек, но все-таки...

- Ты меня слышишь, Санечка?

- Мама, - взмолилась Саша. - Пожалуйста, не зови меня так.

- Почему? - удивилась мама. Действительно удивилась, в голосе перестали слышаться слезы.

- Потому что я не мальчик.

- Я всегда мечтала о мальчике. Господи, как я мечтала о мальчике!

Почему Маша так не хочет идти в полицию? Конечно, она напугана, но она достаточно взрослая, чтобы понимать, что пойманные преступники безопаснее преступников на свободе.

- Он бы сейчас меня защищал...

- Что все-таки произошло? - постаралась переключить ее на другое Саша, слышать про мальчика не было никаких сил. - Чем он так тебя обидел?

- Он уехал отдыхать с дочерью!

- Ну и что? - не поняла Саша. - Он же поехал с дочерью, а не с бывшей женой.

- Господи, как ты не понимаешь! Мы могли бы поехать вместе, втроем. И вообще он свою дочь видит каждую неделю. Представляешь? Он каждую субботу с ней проводит!

- А ты бы хотела, чтобы он был плохим отцом? Чтобы ему было наплевать на собственных детей?

- Да при чем тут это? Все хорошо в меру. Я понимаю, если бы ребенку было пять лет. Но ей пятнадцать!

- Надеюсь, ты догадалась ему этого не говорить?

- А почему, собственно, я должна все терпеть? У меня тоже были планы на отдых.

Мама продолжала жаловаться, Саша больше не возражала. Объяснять матери, что с другими людьми нужно считаться хотя бы изредка, бесполезно. Она этого не понимает. Саша в который раз удивилась, что отец смог прожить с ней почти двадцать лет.

Родители разъехались, когда она поступила в институт. Развестись официально они, кажется, так и не собрались.

Удивительно, но мать была человеком совсем не глупым, заведовала химической лабораторией, писала научные статьи. И злой в прямом смысле этого слова не была, чужому горю сочувствовала и специально никому пакостей не делала. Просто ее настолько занимали собственные интересы и собственные желания, что на интересы и желания других людей места в ее голове просто не оставалось.

Наконец она наговорилась. Саша поизучала холодильник, вздохнула, поставила воду под пельмени. Пока скромная еда готовилась, открыла Тошке банку собачьих консервов, переложила в миску и пообещала:

- Сегодня же куплю нормальной еды. Приготовлю жаркое и дам тебе косточку.

Она не успела вымыть посуду, как опять раздался звонок.

- Отдохнула? - спросил Гоша.

- Более-менее. Как ты?

- Соскучился. Приедешь?

Саша машинально посмотрела в окно. Сегодня обещали тридцать градусов, едва ли за окном меньше. Гоша жил на другом конце Москвы. На метро ехать приходилось с двумя пересадками, а на машине стоять в плотных пробках.

- Голова тяжелая после смены, - пожаловалась Саша. - Давай в другой раз.

- Приезжай, - жалобно попросил он. - И в другой раз тоже.

Сам Гоша к Саше приезжал редко, только когда они шли куда-то вместе и добираться от ее дома было удобнее.

- В другой раз, Гошенька. Что-то я не в форме. Устала, правда. Ты знаешь, я попала в такую историю...

- Вот приедешь и расскажешь, - перебил он. Похоже, Гоша обиделся всерьез. - Ты же знаешь, я не люблю говорить по телефону.

Это Саша знала. По телефону Гоша обычно только договаривался о встрече.

В марте она точно так же пыталась рассказать ему, как встретила накануне мужика со щенком, но Гоша слушать не пожелал и пообещал выслушать, как только она приедет. Поскольку раньше завтрашнего утра Саша дома появляться не собиралась, она побоялась оставлять на целые сутки крохотного Тошку и взяла его с собой. На самом деле Тоша тогда еще не был Тошей, а просто собачкой без имени.

Ничего хорошего из той поездки не вышло. Как выяснилось, Гоша животных не любил, брезговал, от щенка старательно отодвигал ноги, и Саша, вытерев пару лужиц на полу, уехала назад домой.

Она домыла посуду, опять посмотрела на бьющее в окно солнце, попробовала позвонить Юле, но абонент оказался недоступен.

Юля перезвонила часа через два, и по ее ожившему голосу Саша поняла, что с Борей все в порядке. Он в сознании, его перевели в обычную палату.

– Уговори Машу пожить у меня на даче, – опять предложила Саша. – Или обе поживите, пока родители не приедут. От Москвы недалеко, ты сможешь нормально ездить на работу. А Борю пока своими проблемами не перегружай.

– Я не перегружаю. Я только сказала, что Машка нашлась, и все. Спасибо, Саша, спасибо вам за все. Мы на своей даче поживем.

Саша попыталась объяснить, что на их даче выследить девчонку ничего не стоит, если кому-то придет это в голову, но уговорить Юлю так и не смогла.

Собрала постельное белье, отнесла в прачечную. На обратном пути зашла в супермаркет за продуктами и никак не могла отключиться от мысли, что Маша может быть опасна для похитителей и они это знают.

Как она станет ухаживать за свекром, Ксюша представляла себе слабо. В больницах ей, слава богу, бывать никогда не приходилось, видеть тяжело больных тоже. И хотя свекровь говорила, что никакого дополнительного ухода за мужем не требуется, Ксюша ей не верила.

Оказалось, что Ильдар Каримович на умирающего совсем не похож. Похудел сильно, это верно, но в остальном остался прежним. При ее появлении в палате он встал, мужчины Камаевы в присутствии женщин не сидели, и это Ксюше ужасно нравилось.

– Здравствуй, дорогая, – улыбнулся свекор, кивнув ей на стул, – садись. Как добралась?

– Нормально, Ильдар Каримович. – Ксюша села, обвела взглядом одноместную палату – очень чисто и современно, как в иностранных фильмах. На кровати раскрытый ноутбук, не хватает только цветов в вазе.

Свекор сел на кровать, спиной облокотился о спинку.

- Меня Гуля встретила, - сообщила она.

- Знаю.

Ксюша выложила на тумбочку принесенные фрукты, Ильдар Каримович кивнул - спасибо.

- Ну как тебе живется в Европе?

- Отлично живется, - улыбнулась Ксюша.

- Не скучно одной целый день? - Свекор смотрел на нее ласково, и она вдруг заметила, как сильно он похож на Руслана. То есть Руслан на отца.

- Не скучно. Русских много, у нас целая компания.

Раньше Ксюша Ильдара Каримовича побаивалась, а сейчас разговаривать с ним было легко, почти как с мужем. Она рассказывала, как ездит с женами Руслановых коллег на море, как помогает возиться с детьми и что уже почти научилась понимать чужой язык.

Когда в палату примчалась запыхавшаяся Гуля, Ксюша тактично попрощалась, вышла. Пусть отец пообщается с дочерью без посторонних. Устроилась на одном из скрепленных между собой стульев, стоявших прямо напротив двери в палату свекра.

Туда вошла медсестра, через минуту вышла. В приоткрытую дверь Ксюше было видно, что свекор при дочери сидеть не стал, лег на кровать. Похоже, Ксюша утомила его своим присутствием, в следующий раз нужно иметь это в виду и надолго не задерживаться.

Вообще-то Ксюша небольшой укольчик почувствовала, мог бы и при ней лечь, она тоже не чужая.

Она достала телефон, посмотрела электронную почту – ничего интересного. Сидеть одной было скучно, но она терпеливо ждала золовку.

Гулю Ксюша жалела. Во-первых, потому, что красотой Гуля не отличалась. Не то чтобы она была страшненькой, нет, ни в коем случае. Черты лица у нее правильные и фигурка неплохая. Просто нет в Гуле истинной женской привлекательности, изюминки. Того, что у мужчин вызывает интерес, а у женщин зависть. Говорила золовка мало и тихо и производила впечатление серой мышки.

Ну а во-вторых, Ксюша жалела ее из-за дикой истории с замужеством. С Гулей Руслан познакомил ее сразу, даже раньше, чем с родителями. Тогда она и узнала, что с отцом золовка не общается совсем уже несколько лет. Руслан осуждал обоих, и отца и сестру.

Папа по-своему прав, говорил Руслан. Мишка с Гулей подали заявление в загс и только потом об этом объявили. Причем объявила она, а не Миша. Нужно было приехать, поговорить с родителями. Я папу понимаю, он обиделся. Погорячился, конечно, не надо было говорить, что у него больше дочери нет. Но и ей не стоило сразу за эти слова хвататься и дверь хлопнуть.

Ну а что ей было делать, не понимала Ксюша. Замуж, что ли, не выходить?

Выслушав впервые невероятную для двадцать первого века и вполне интеллигентной семьи историю, Ксюша решила, что родители Руслана религиозные и ей придется как-то к этому приспособливаться. Оказалось, что все не так. По праздникам свекор мечеть посещал, но не столько из религиозных соображений, сколько отдавая дань традициям. И все. Больше религиозный фанатизм ни в чем не проявлялся. Никто не заставлял Ксюшу менять веру и носить хиджаб.

Никто не заставлял ее вести себя так, как вела себя свекровь с мужем. При посторонних Динара крутилась около него, угадывая его желания раньше, чем он их озвучивал. Готовила, подавала, убирала и лишнего слова не произносила. Ксюша долго считала, что в семье всегда именно так и происходит, пока однажды не застала свекра с пылесосом в руках. А потом наблюдала, как Ильдар Каримович носил жене чай и тихонько ставил на столик около компьютера, на котором та в тот момент работала.

Динара Амировна Ксюшу вообще удивляла. Сначала она, как и Гуля, показалась Ксюше совсем неинтересной и не играющей в семье никакой роли, способной только готовить и посуду мыть. Это потом она поняла, что Ильдар Каримович мнение жены ценит выше любого другого и очень ею гордится. Динара Амировна действительно была женщиной умной и начитанной, студенты писали ей со всего света и заваливали подарками.

Ксюша несколько раз замечала, как резкий Ильдар мгновенно стихал, стоило жене тронуть его за руку или просто повести глазами. Однажды свекор всерьез ругал правительство. То ли идиоты законченные, то ли специально производство в стране разваливают, возмущался он. Руслан возражал, Ксюше было скучно. Они в тот вечер зашли к родителям мужа просто так, на чашку чая. Динара посмотрела на скучающую Ксюшу, перевела глаза на мужа, вскочила, подвинула Ильдару вазочку с вареньем. Свекор сменил тему сразу, мгновенно, как будто умел читать мысли жены. Заговорил с Ксюшей, начал шутить.

Она тогда позавидовала свекрови и даже сказала об этом Руслану. Мама – женщина, серьезно объяснил он. Тогда Ксюша объяснения не поняла, поняла только гораздо позже. Быть женщиной в семье Камаевых означало быть почти святой.

Это стоило взять на заметку, и Ксюша с тех пор ни разу не повысила голоса, даже когда Руслана близко не было. А раньше с ней такое случалось, она же нормальный человек, не хамка, но и не мямля бессловесная.

Ну а больше всего в семье мужа Ксюше нравилось, что там никто ни на кого не давил, мнение друг друга уважали и с этим мнением считались.

Сидеть на жестком стуле было неудобно, Ксюша извертелась, пока наконец Гуля не вышла из палаты.

Золовка замерла, прислонившись спиной к косяку, Ксюша видела, как на ее лице проступает обреченность вместе со слезами на глазах.

– Ты что? – испугалась Ксюша. – Ты что, Гуля? Все будет хорошо.

– Да, – покивала та. – Все будет хорошо. Аллах милостив.

Ксюша впервые услышала от сестры мужа слово «Аллах» и из-за этого «Аллах милостив» с болью поняла, что хорошо уже никогда не будет, что Ильдар Каримович умирает и для всей семьи без него начнется новая жизнь. Свекор был опорой и для своей жены, и для дочери, несмотря на то что был с ней в ссоре. Теперь опорой для этих женщин предстояло стать Руслану. Больше никому. Муж уже никогда не станет принадлежать ей одной.

Варя не позвонила ни разу за весь день. Что-то с ним происходит в последнее время, потому что вспомнил о жене Илья только в конце рабочего дня. И не потому, что был слишком перегружен делами, а скорее потому, что очень устал от Вари и ему просто не хотелось о ней думать.

Впервые он заметил, что устает от жены, года три назад. Они ездили в гости к Вариным родственникам в Подмоскowie и, возвращаясь назад, зашли в придорожный магазинчик за водой. День был жаркий, очень хотелось пить, за прилавком одиноко скучала молоденькая продавщица.

Продавщица была хорошенькая и веселая, и Илья сразу почувствовал, как напряглась Варя. Она всегда напрягалась при виде хорошеньких девушек. Илья знал, как с этим бороться, обнял жену за плечи, попросил воды, стараясь не смотреть на девушку.

Продавщица улыбнулась им обоим, протягивая сдачу, спросила:

– Жарко?

– Жарко, – подтвердил Илья и потянул Варю к выходу.

– До свидания, – сказала вслед девушка.

– До свидания, – обернувшись, попрощался он.

Может, он и улыбнулся ей, но даже этого не заметил. В тот день у него было отличное настроение. Он успел наплаваться в большом чистом пруду недалеко от дома родственников и считал прошедшие выходные исключительно удачными.

Предстоящий вечер тоже его вдохновлял, потому что накануне он купил занятный детектив, начал его читать и радовался, что книга толстая и ее должно хватить на несколько вечеров.

- Тебе весело? – спросила Варя, когда они уже въехали в город.

Только тут Илья понял, что она молчала всю дорогу.

- По-моему, хорошо съездили, – улыбнулся он жене. – Как считаешь?

- Тебе весело, потому что она строила тебе глазки?

- Кто она? – Конечно, он понял, что Варя имеет в виду молоденькую продавщицу, и до сих пор помнил тяжелую усталость, навалившуюся мгновенно. – Кто строил?..

- Ты отлично знаешь кто.

- Варь, – сказал он тогда, – ты бы лечилась, что ли.

- Что?! – задыхнулась она. – Что?! Ты флиртуешь с девками на моих глазах и смеешь мне говорить...

- Прекрати! – рявкнул он. – Тебе точно лечиться надо!

- Высади меня! – закричала она, дергая дверь. – Останови!

Илья резко остановил машину, даже не прижавшись к тротуару.

- Выходи! – прошипел он.

Она помедлила, до сих пор муж никогда не высаживал ее из машины, до последнего старался свести все к шутке. Она помедлила, но вышла, а он поехал дальше, даже не посмотрев в ее сторону.

Дома, пока он ждал, когда жена наконец появится, злость прошла. А усталость осталась.

Варя появилась часа через полтора, он всерьез забеспокоился к тому времени. Потом она тихо плакала, а он прижимал ее к груди и гладил по волосам. Как обычно, ему было очень ее жаль и впервые жаль себя.

Больше они о том случае не вспоминали, но забыть его, как сотни подобных, Илья так и не смог.

Звонить жене не хотелось, но он позвонил.

- Привет! Купить что-нибудь нужно? - спросил он в трубку.

- Нет, - ответила она и отключилась.

У ограды парка он остановился просто так, потому что уж очень не хотелось идти домой. О девушке с собакой - Александре - он совсем не думал, вспомнил о ней, только когда она прошла мимо его машины, ведя на поводке собаку.

Догонять ее было глупо и незачем.

- Добрый вечер! - Илья догнал ее еще до входа в парк.

- Добрый, - улыбнулась она.

- Как ваш раненый?

- Ему лучше. - Она наклонилась, отстегнула поводок от ошейника. - Спасибо вам. Нас действительно не пропустили бы в неприятные часы.

- Не за что. Как его угораздило?

- Не знаю, - она нахмурилась, задумчиво глядя себе под ноги.

Было в ней что-то такое, что отличало ее от других женщин. С ней Илье не нужно было себя контролировать, стараться не ляпнуть лишнего и от этого все время быть в напряжении. С ней он становился самим собой, каким бывал только с сестрой и матерью. Ну еще с несколькими друзьями.

- Но очень хочу узнать, - виновато улыбнулась она.

- Вы любопытны?

- Наверное. Правда, раньше я за собой этого не замечала.

Пес носился вокруг них, то забегая вперед, то отставая.

- Этот парень ваш друг?

- Нет. Мы просто работаем вместе. У него есть девушка, студентка. Трудится в соседней службе на полставки. Она его очень любит.

Из кустов навстречу показалась серая овчарка. Саша поймала свою собаку за ошейник, подняла на руки.

Они очень друг друга любят, говорила как-то мама подруге про Илью и Варю. Мама не видела, что Илья это слышит, и смутилась, когда заметила.

Интересно, что она сказала бы про них сейчас?

Больше говорить было не о чем, и Илья шел молча. Молчать с Сашей было легко. В отличие от других женщин и даже от Вари.

Жара стояла давно, и на деревьях раньше срока появились желтые листья. Кажется, в городе велась кампания за полив зеленых насаждений. Впрочем, городскими кампаниями Илья никогда не интересовался.

Они дошли до заросшего камышами маленького пруда, обогнули его по узкой тропинке, повернули назад. Когда-то Илья и Варя очень любили здесь гулять. Однажды вечером он поймал майского жука, они посадили его в спичечный коробок, слушали, как он скребется, а потом выпустили. Тогда он не поверил бы,

что когда-нибудь ему не захочется идти к Варе.

У машины Илья вежливо кивнул Саше, она улыбнулась в ответ. Он какое-то время смотрел ей вслед, потом въехал во двор, поставил машину у подъезда и поднялся домой.

- Привет, - отперев дверь, произнес он.

Варя не ответила.

24 июля, четверг

Вечером Саша заснула, едва положив голову на подушку, а среди ночи проснулась и до утра мучилась, проворочавшись с боку на бок. То ей казалось, что с девочками, Юлей и Машей, прямо сейчас происходит что-то ужасное, а она, взрослая неглупая женщина, не сочла нужным это предотвратить, заставить их пойти в полицию или, по крайней мере, спрятать их у себя в квартире. То перед глазами вставало бескровное Борино лицо, и она мучилась, что парень, несмотря на заверения доктора, окончательно не поправится.

Еще вспоминалось, как они молча шли с Ильей по тропинке парка, и ей не хотелось, чтобы прогулка заканчивалась. Но эти воспоминания Саша старалась отогнать. Ужасно глупо. Илья совершенно чужой человек, он женат, а у нее есть Гоша.

Еле дождавшись половины восьмого, звонить раньше было уж совсем неприлично, Саша набрала Юлю, удостоверилась, что с девчонками все в порядке, опять предложила пожить у нее на даче и получила вежливый отказ.

- Маша сегодня на нашу дачу поедет, - объяснила Юля. - А я буду приезжать ночевать.

- Ты сейчас к Боре?

- Да.

- А на работе как договорилась?

- Потом отработаю.

Девочке было не до нее, и Саша от Юли отстала.

- Гулять, - обрадовала она путающегося под ногами Тошку.

На фоне шума проезжающих машин телефонный звонок она еле услышала.

- Саш, - произнес незнакомый голос. - Это Романенко.

- Боря! - обрадовалась она. - Тебе лучше, да?

- Саш, присмотри за Машкой. За Юлиной сестрой. Пожалуйста.

- Боря! - не поняла Саша. - Как я за ней присмотрю? Ей же не два годика.

- Присмотри, - опять попросил он. - А я потом для тебя все что хочешь сделаю.

- Попробую. - Саша вспомнила, что говорит с больным человеком, которого нельзя расстраивать. - Присмотрю, ты, главное, поправляйся, Боря, и не беспокойся ни о чем. Я все сделаю.

Знать бы еще, что и как требовалось сделать.

Ни у входа в парк, ни на тропинке, вьющейся между островками сныти и старыми деревьями, Ильи не было. И слава богу, одной проблемой меньше. Не нужно будет отгонять лишние мысли.

Сныть была одной из немногих трав, которые Саша знала. Ее показала маленькой Саше бабушка, лекарственные растения были ее хобби. Старушка собирала травы, сушила их, добавляла в чай, готовила отвары и настои, умывалась ими и ополаскивала волосы.

Мама это увлечение раздраженно высмеивала. Сейчас не советские времена, есть великолепная косметика, и заниматься ерундой можно, только когда совсем делать нечего. Бабушка не спорила, она вообще при маме старалась помалкивать.

Она показывала внучке разные травы, а запомнила Саша, помимо общеизвестных, вроде подорожника и одуванчиков, только сныть. Ей было тогда лет пять. Наверное, только начинался май, потому что трава на дачном участке еще не стояла сплошными зарослями. Бабушка срезала ножницами зеленые листья сныти и рассказывала, как много полезных веществ содержится в этой траве, что раньше этими листьями лечили массу болезней и о ней упоминали даже древние целители.

Вечером к приезду родителей бабушка приготовила что-то очень аппетитное с обжаренной снытью. Она была отменной кулинаркой.

- Что это? - не поняла мама.

- Сныть, - объяснила Саша. - Очень полезно. И вкусно.

- Что?! - Мать брезгливо отодвинула тарелку и посмотрела на бабушку. - Господи, гадость какая. Работаешь, работаешь, так даже поесть нормально не дадут. Сейчас что, война? Революция? Завтра ты нам кашу из лебеды предложишь?

Ни бабушка, ни папа ничего не ответили. Папа съел тогда и свою порцию, и мамину, похвалил бабушкину стряпню и уехал куда-то на велосипеде. Мать кричала ему вслед, и даже маленькая Саша понимала, что папа только делает вид, что не слышит.

Потом мама плакала и жаловалась Саше и бабушке, что папа ее не любит. Меня никто не любит, рыдала она, а бабушка в тот вечер ее не уговаривала.

На следующий день родители помирились, папа водил Сашу на пруд, и они долго наблюдали за большой зеленой лягушкой...

Илья догнал ее, когда она уже поворачивала к дому.

– Здравствуйте, – как обычно, поздоровался он.

Он совсем ее не разглядывал и, кажется, смотрел не на нее, а себе под ноги, только почему-то заметил, как сильно она обрадовалась, и что уж совсем удивительно, почувствовал, что она смутилась этой своей радости.

И только тогда он понял, что все время думает о ней, что десятиминутная прогулка с ней стала самым важным событием в его жизни.

«Надо кончать, – с тоской подумал он. – Я не смогу бросить Варю и всю оставшуюся жизнь чувствовать себя подлецом. Этот раз – последний».

Кажется, она прочла его мысли, потому что радости у нее на лице не осталось, а проступили усталость и озабоченность.

На этот раз молчание было тягостным, и Илья заговорил первым:

– Почему вы выбрали такую неженскую профессию? – Его действительно это интересовало.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Так получилось. Мне предложили, и я согласилась.

– Любите брать на себя ответственность?

– Терпеть не могу.

Она терпеть не могла брать на себя ответственность. Жаль, что нет никого, кто бы взял на себя все ее проблемы.

– Мне нравится моя работа. И вообще... Времени свободного больше. Добираться удобно.

– А я, – неожиданно признался он, – всю жизнь мечтал заниматься наукой.

– Не получилось?

- Не получилось.

Варя не хотела, чтобы он оставался на кафедре. Ревновала его к студенткам. А Илья ее жалел и пожертвовал собственными интересами, перейдя на, может быть, и более престижную, но уж точно менее интересную работу. Сейчас, на узкой тропинке, покрытой яркими пятнами от пробивающегося между листьев солнца, он впервые подумал, что пожертвовал своими интересами. Раньше ему просто хотелось, чтобы Варе было хорошо, чтобы она не мучилась сама и не мучила его. Впрочем, раньше он вообще об этом не думал. Сделал, как жена хотела, она от него отстала, и слава богу.

Показалась калитка. Саша позвала Тошку, пристегнула поводок.

- До свидания, - кивнул он.

- До свидания, - откликнулась Саша.

Ничего не изменилось, все было так же, как вчера, позавчера, несколько дней назад. Только она вдруг почувствовала себя одинокой на улице, полной машин и пешеходов.

Одной на всем белом свете.

Ей не привыкать быть одной, она одна с тех пор, как умерла бабушка.

Ничего не изменилось. Она будет так же изредка встречать Илью то у метро, то в магазине. Может быть, иногда встретит его в парке.

Он женат, а у нее есть Гоша.

Что-то Ксюшу беспокоило во вчерашнем дне. У нее такое бывало: понимала, что сделала что-то не так, и ей становилось неприятно. Особенно Ксюша мучилась, когда случайно кого-то обижала. Специально она старалась не обижать никого и никогда, а вот непредумышленно, бывало, ляпнет что-нибудь, не подумав, потом переживает.

Последний такой случай был как раз накануне отъезда. Гуляли с подружкой и ее ребенком, обсуждали общую знакомую, которая почти полгода жила в Москве, утрясала дела с наследством. Выглядит хорошо, поделилась Ксюша. Только растолстела очень. Сказала и тут же забыла об этом, а придя домой, поняла, что про «растолстела» упомянула зря. Подруга очень переживала из-за лишнего веса, и хотя совсем некритичная полнота ей шла, и вообще у нее была нормальная фигура, особенно для кормящей матери, упоминаний о чьем-то лишнем весе лучше было избежать, не доставлять собеседнице неприятных эмоций.

Ксюша вообще не любила, когда кому-то становилось плохо, она даже книг с плохим концом старалась не читать. Сначала навязывала их Руслану, но он читать отказывался – к легкому чтению, детективам, дамским романам, муж никакого интереса не испытывал. В напряженный момент заглядывала в конец книги, и если он ее не устраивал, бросала чтиво безо всякого сожаления. Грустного в жизни и так много, не хватало еще расстраивать себя за собственные же деньги.

Что было не так вчера, она поняла сразу, как только проснулась. Она оказалась лишней у постели Ильдара Каримовича. Она мешала ему быть с самыми любимыми, с женой и дочерью. Тактичная Динара Амировна вчера специально ушла от мужа пораньше, вряд ли ей этого хотелось. Приезжать нужно было Руслану, не Ксюше.

Буду появляться попозже и не каждый день, решила она. И приносить всякую ерунду незачем, надо спрашивать у Динары, что действительно необходимо.

Повеселевшая Ксюша встала, раздернула занавески. День обещал быть таким же жарким, как вчера. Ксюша жару любила и искренне не понимала тех, кто на нее жаловался. Бояться надо холода, слякоти, морозящего дождя. Того, что в России длится десять месяцев в году. А тепло стоит месяц, от силы два, им нужно наслаждаться, а не стонать.

– Мама, я сейчас приеду, – позвонила матери Ксюша.

Накануне она не успела заехать к родителям. Пока провожала унылую Гулю, пока пила чай у нее на кухне, ехать куда-то стало поздно.

Только обнимая маму в прихожей, Ксюша поняла, как соскучилась.

- Папа на работе?

- Да. Хочешь, я ему позвоню и он приедет? Мы тебя вчера весь вечер ждали.

- Не получилось, - виновато улыбнулась Ксюша. - Не надо ему звонить. Я же не завтра уезжаю, каждый день буду приезжать.

Квартира родителей совершенно не изменилась. Та же дешевая, с советских времен мебель, тот же старый телевизор, к которому невозможно подключить цифровой канал.

- Мама! - расстроилась Ксюша. - Вы хоть бы телевизор поменяли, ему место на помойке. Я понимаю, раньше денег не было, а сейчас? Вы что, на новый телик не соберете?

- Деньги есть, - улыбнулась мама, и от ее улыбки Ксюша окончательно почувствовала себя дома. - Желания нет. Мы телевизор практически не смотрим. У нас теперь компьютер вместо телевизора. Если что интересное, смотрим в записи. Гораздо удобнее, никакой рекламы, хочешь - включил, хочешь - выключил.

- Все равно, - назидательно сказала Ксюша. - Квартира должна быть в порядке.

- Ну тебя, - отмахнулась мама. - Нам с папой и так хорошо. Пойдем завтракать.

- Мам, мебель однозначно нужно сменить. А перед этим сделать хороший ремонт.

Раньше на дорогую мебель и хороший ремонт денег у родителей не было. Мать всю жизнь проработала учительницей математики в школе, папа инженером на заводе. Но теперь и зарплаты совсем другие, и мама из простой учительницы превратилась в директора школы.

- Мы с этой мебелью прожили всю жизнь, - ставя на стол тарелки, засмеялась она. - Я не хочу другую.

– Как у папы дела?

– Отлично. В прошлом году завод заработал на полную мощность. Отец стал заместителем директора, он тебе говорил?

– Нет.

Мать положила Ксюше на тарелку дымящуюся кашу из каких-то хлопьев, поставила яйцо на подставке. Ксюша знала, яйцо сварено «в мешочек», как она любит.

– Как Ильдар Каримович?

– По-моему, неплохо. С Гулей помирился.

– Знаю. Динара говорила. – Себе мама налила крепкого кофе, села напротив. – Наконец-то. Дикость какая-то была, а ведь нормальные люди.

– Я Динару вчера не видела, только Гулю. Она плачет все время. Знаешь, это как-то даже нехорошо, плачет, будто Ильдар уже умер. Как будто заранее его хоронит.

– Это можно понять. Она привыкла видеть его сильным, больной отец для нее крушение мира.

– Может быть, – согласилась Ксюша.

Она доела кашу, попросила кофе, как обычно, подумав, что ей очень повезло с родителями.

Она всегда так думала, даже когда у нее не было того, что было у подруг и чего ей очень хотелось. Хотелось ей многого, но деньги не главное.

Саша накормила собаку, поменяла в миске воду. Нужно обязательно позвонить Гоше, она его обижает. Сделала себе чай, вздохнула, велела Тошке сидеть тихо,

спустилась вниз, села в стоявшую у подъезда машину, которой в последнее время почти не пользовалась, и поехала к Юлиному дому.

В который раз порадовавшись, как хорошо жить в безлюдной летней Москве, она пристроила машину удобно – и подъезд, где живут сестры, видно, и общий подход к дому хорошо просматривается.

Место для слежки она выбрала удачное, а результат получила нулевой. То есть никакого результата. Из подъезда вышла Юля, быстро скрылась за углом дома. Больше ничего не происходило. Маша из подъезда не выходила, никакие подозрительные личности поблизости не болтались. Хорошо хоть, что в машине с кондиционером было приятнее, чем на улице под палящим солнцем, перепутавшим Москву с тропиками.

Рядом остановилась бежевая «Хонда». Хозяин поиграл ключами, с любопытством посмотрев на Сашу, скрылся за дверью подъезда. Не стоило дожидаться, пока бдительные граждане заметят, как надолго она здесь расположилась, и проявят нездоровое любопытство, но Саша ерзала на сиденье и ждала.

Сидеть было скучно. Она собралась позвонить Гуле, но та объявилась сама.

– Ты знаешь, что с Борей? – сразу спросила подруга. – Говорят, он в больнице.

– Знаю, – вздохнула Саша. – На него напали ночью. Когда мы дежурили.

– Подожди, – не поняла Гуля. – Как на него могли напасть, если вы были на смене? Кто на него напал?

– Тут целая история. Детектив. Только ты никому не проболтайся. В общем, он ушел часа в три ночи и не вернулся. Я соврала, что он заболел и ушел утром. А потом Юле из «Скорой помощи» позвонили. На него напали и сильно избили. Гуля, никому ничего не говори!

– Не скажу, кому мне говорить. Откуда ты узнала, что Юле позвонили? Она пришла к тебе про Борю спросить?

– Нет. Я тебе потом расскажу.

- Ой, расскажи сейчас!

- Ну, в общем, у Юли деньги вымогали, она всю ночь с нами просидела в комнате отдыха. Среди ночи Боря уехал выкуп отдавать, и все, больше не вернулся. Гуль, я тебе потом расскажу, не могу сейчас. Приходи вечером.

- Не смогу. К папе поеду.

- Как он?

- Слабый очень. Долго сидеть не может, сразу ложится. Он совсем не такой, как раньше.

- Гуля, надо верить, что он поправится.

- Я стараюсь.

Саша покрутила замолкнувший телефон в руке. Нужно позвонить Гоше и немедленно отсюда уезжать.

Из Юлиного подъезда вышла совсем молоденькая мама с коляской, прошла прямо перед капотом Сашиной машины, улыбаясь ребенку и что-то ему рассказывая.

Нужно выйти замуж за Гошу, родить ребенка и не лезть в чужие дела.

Дверь подъезда опять открылась, выпустив двух девочек лет десяти. Девочки стали на самокаты, уехали в противоположном от Саши направлении, весело переговариваясь.

У Саши в детстве самоката не было. У нее был скейт, на котором она толком так и не научилась кататься, еще роликовые коньки и велосипед.

Первый велосипед, трехколесный, ей купила бабушка. Совсем маленькая Саша ездила на нем по дачному участку, в бабушкином альбоме для фотографий сохранилось несколько таких снимков.

Саша подросшая уезжала кататься в поле. Иногда поле засевали клубникой, иногда какими-то злаками, иногда вовсе ничем. К тому времени бабушки уже не было, приехавший с работы папа ходил искать Сашу, кричал ей и махал руками, стоя у края леса. Мама Сашу не искала, только морщилась, когда дочь приезжала в сумерках. Тебе нечем заняться, говорила она. Лучше бы почитала что-нибудь. Читала Саша много, но с мамой никогда не спорила...

Мужик вернулся в свою «Хонду», опять с интересом посмотрел на Сашу и уехал.

Маша появилась, когда Саша окончательно и бесповоротно решила уезжать. Девочка нервничала, стоя на крыльце, с беспокойством крутила головой по сторонам, но на Сашину машину никакого внимания не обратила. Постояв с минуту, Маша быстро пошла вдоль дома, оглядываясь через каждые несколько метров.

Ехать за ней Саша не рискнула, быстро выбралась из машины и заспешила за девочкой, стараясь держаться поближе к росшему вдоль дома боярышнику. Отойдя от дома, постоянно оглядываясь Маша перестала, пошла медленнее, понутив голову.

У пешеходного перехода Маша опять повернулась, внимательно оглядела улицу. Саша едва успела укрыться за газетным киоском, наблюдая за ней через стекло в просвете между выставленными в витрине журналами.

Светофор зажегся зеленым, Маша двинулась вместе с небольшой группой пешеходов, Саша с трудом за ней поспевала. Дальше Маша пошла, совсем не оглядываясь, свернула через высокую арку во двор старого дома, у ближайшего подъезда еще раз осмотрелась, не заметив прятавшуюся за аркой Сашу, набрала код домофона и исчезла в подъезде.

Таблички с адресом Саша на доме не увидела, и это было плохо, потому что ориентировалась она ужасно и дорогу всегда запоминала с трудом. Гоша часто над ней подшучивал по этому поводу.

Подходить к подъезду было рискованно, Маша могла выйти в любую минуту, но Саша, подошла. И правильно сделала, потому что дверь открылась, выпустив пожилую даму. Саша юркнула внутрь, прислушалась и начала тихо подниматься по лестнице. Дом был старой постройки с высокими потолками, и к пятому этажу

Саша заметно устала. Нельзя вести сидячий образ жизни, надо бегать, как Илья. Или в бассейн ходить.

Машу она увидела на шестом этаже. Та нажимала кнопку звонка, привалившись боком к выкрашенной голубой краской стене. Даже Саше, стоявшей на пол-этажа ниже, было слышно, как надывается звонок в квартире.

Стараясь не шуметь, она сбежала вниз, спряталась, насколько это было возможно, за расположенной во дворе детской площадкой. Маша вышла через несколько минут и, не оглядываясь, вернулась к собственному дому.

Саша опять села в машину и стала ждать.

Варе было плохо. Ужасно. Такого, чтобы Илья больше суток не делал попыток примириться, еще не было. Он должен искренне раскаяться и попросить прощения, без этого мир восстановить невозможно.

Вообще-то отчасти она Илью понимала, сама работает и знает, какое любопытство проявляет коллектив к каждому из своих членов. Конечно, любая дура додумается, что звонит она мужу на городской, потому что проверяет. Ну и что? Что для него дороже, любопытство каких-то девок или ее, Варино, спокойствие? Пусть думают что хотят, ему-то какая разница?

Раньше он действительно старался ее не расстраивать, а на мнение других не обращал никакого внимания. Однажды в Турции они случайно встретили его бывшего приятеля с женой. То ли Илья с приятелем в одной школе учился, то ли в одном доме жил, неважно. Важно то, что приятель с женой оказался в том же отеле, что и Илья с Варей. И получилось черт знает что. Утром они встречались за завтраком, потом маячили на глазах друг у друга на пляже, а по вечерам в ресторане. Приятель никакого интереса у Вари не вызывал, а про его жену и говорить нечего. Редкостная дура, все время Илье улыбалась, а к ней лезла с какими-то кулинарными рецептами, как Варя ни давала ей понять, что не кухарка и пирогов печь не собирается. Если честно, парочка не слишком им докучала и к тесному общению не стремилась, так, перекидывались парой слов, и все. Только Варю раздражало даже то, что Илья сообщал приятелю, на экскурсию они сейчас собираются или к морю. Как будто разрешения спрашивал. Идиотизм.

Варя промучилась двое суток, пока наконец, придя с пляжа, не расплакалась в номере.

- Ты что? - испугался Илья. - Что ты, Варюша?

Она ничего объяснять не стала, спрятала лицо у Ильи на груди и продолжала всхлипывать. Но он все понял правильно. В тот же вечер выбрал в ресторане столик на двоих в самом углу зала, на следующий день на пляже к приятелю с женой не подошел, и отпуск они провели чудесно, Варя до сих пор вспоминала ту поездку.

Воспоминания портило только одно - очень уж хорошая фигура была у приятелевой жены. Себя показать Варя тоже не стыдилась, но врать себе она не могла и понимала, что до той девки ей далеко.

Раньше Илья ее понимал и жалел, а теперь...

Когда муж ушел утром на пробежку, она подошла к окну, выходящему на парк. Просто так подошла, совершенно не собираясь за ним следить.

Варя вообще любила смотреть в окно с детства. Когда была маленькая, садилась на широкий подоконник и подолгу смотрела вниз, на суетящееся Садовое кольцо. Даже уроки делала, сидя на подоконнике.

После старого сталинского дома на Садовой, где до сих пор жили родители, к этой своей квартире Варя привыкала долго. Потолки низкие, подоконники узкие. Одно хорошо, что парк рядом. С квартирой им повезло. У Ильи незадолго до их свадьбы умерла бабушка, оставив двушку в панельном доме. Двушку Илья и Варя продали и купили эту квартиру. Дом тогда еще строился, и получилось, что доплатить нужно совсем немного. Варя очень боялась, что на бабкину квартиру станет претендовать еще и Катя, сестра Ильи, но никто об этом даже не заикнулся, ни Катя, ни свекровь. Обошлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/evgeniya-gorskaya/priyut-mirazhey>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)